
ПЕРРО. ТУРГЕНЕВЪ. ДОРЭ.

ВОЛШЕБНЫЯ СКАЗКИ.

THEATRE
G. Doré
PANNEMAKER. SC.

ВОЛШЕБНЫЯ СКАЗКИ

ПЕРРО

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ИВАНА ТУРГЕНЕВА

РИСУНКИ ГУСТАВА ДОРѐ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА

1867

Августѣйшему имени

Ея Императорскаго Величества

Государыни Императрицы.

Разсказы французскаго сказочника усвоилъ нашей литературѣ одинъ изъ любимѣйшихъ народныхъ русскихъ писателей. Эти разсказы послужатъ дѣтямъ источникомъ невинныхъ удовольствій, посильною пищею для развитія молодаго ума и вкуса. Въ дѣтяхъ сегоднишнихъ вся будущность народа, а потому эту книжку, какъ ни скромна она по содержанію, осмѣливается поднести Августѣйшей Покровительницѣ дѣтскаго воспитанія,

вѣрноподданнѣйшій

Маврикій Вольфъ.

Сказки Перро̀ пользуются въ цѣлой Европѣ особенной популярностію; русскимъ дѣтямъ онѣ сравнительно меньше извѣстны, что̀ происходитъ, вѣроятно, отъ недостатка хорошихъ переводовъ и изданій. Дѣйствительно: несмотря на свою нѣсколько щепетильную, старо-французскую грацію, сказки Перро̀ заслуживаютъ почетное мѣсто въ дѣтской литературѣ. — Онѣ веселы, занимательны, непринужденны, не обременены ни излишней моралью, ни авторской претензіею; въ нихъ еще чувствуется вѣяніе народной поэзіи, ихъ нѣкогда создавшей; въ нихъ есть именно та смѣсь непонятно-чудеснаго и обыденно-простаго, возвышеннаго и забавнаго, которая составляетъ отличительный признакъ настоящаго сказочнаго вымысла. — Наше положительное и просвѣщенное время начинаетъ изобиловать положительными и просвѣщенными людьми, которымъ не нравится именно эта примѣсь чудеснаго: воспитаніе ребенка, по ихъ понятіямъ, должно быть дѣломъ не только важнымъ, но и серіознымъ — и вмѣсто сказокъ ему слѣдуетъ вручать маленькіе геологическіе и физіологическіе трактаты. Случалось же намъ столкнуться съ одной воспитательницей — (правда она была старая дѣвица изъ остъзейскихъ нѣмокъ и писала статьи въ журналахъ съ направленіемъ, но безъ подписчиковъ) — которая тщательно устраняла дѣвочку

порученную ея надзору ото всякаго соприкосновенія съ другими дѣтьми — для того чтобы, какъ выражалась почтенная наставница, ни одинъ ложный фактъ не водворился въ юной головѣ. Дѣвочка выросла и превратилась въ отъявленную кокетку, — но уже это, какъ извѣстно, не вина теоріи, остающейся непогрѣшительной по-прежнему. Какъ бы то ни было, намъ кажется весьма труднымъ и едва ли полезнымъ — до поры до времени изгонять всё волшебное и чудесное, оставлять молодое воображеніе безъ пищи, замѣнить сказку разсказомъ. Учитель, безспорно, нуженъ ребёнку, да и нянька ему нужна.

Остроумный издатель сказокъ Перрò, Ж. Гетцель, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ П. Сталя, въ предисловіи своемъ замѣчаетъ очень справедливо, что не слѣдуетъ опасаться чудеснаго для дѣтей. Не говоря уже о томъ, что многія изъ нихъ не даютъ себя въ обманъ вполнѣ и, забавляясь красотой и миловидностью своей игрушки, въ сущности очень твердо знаютъ, что этого никогда не случалось — (вспомните, господа, какъ вы ѣзжали верхомъ на палочкахъ; вѣдь вы знали, что это подъ вами не лошади, — а дѣло всё таки выходило совершенно правдоподобно, и удовольствіе получалось отличное); но даже тѣ дѣти (и это большей частью самыя даровитыя и умныя головки), которыя безусловно вѣрятъ всѣмъ чудесамъ сказки — очень хорошо умѣютъ тотчасъ отрѣшиться отъ этой вѣры, какъ только часъ тому настанетъ. „Дѣти, какъ взрослые, берутъ въ книжкахъ только то, что имъ нужно, и пока оно имъ нужно.“ Гетцель правъ: не въ этомъ направленіи лежатъ опасности и трудности дѣтскаго воспитанія.

Мы сейчасъ сказали, что одной изъ причинъ относительной неизвѣстности у насъ сказокъ Перрò мы полагаемъ недостатокъ хорошихъ переводовъ и изданій. Публикѣ предоставляется судить насколько нашъ переводъ удовлетворителенъ; что же касается до настоящаго изданія — то подобнаго ему не было ещё не только у насъ въ Россіи, но и за границей; а имя геніяльнаго рисовальщика Густава Дорэ стало слишкомъ громкимъ и не нуждается ни въ какихъ похвалахъ.

Карлъ Перрò родился въ Парижѣ въ 1628^{мъ} году и умеръ тамъ же въ 1697^{мъ}. Въ 1693^{мъ} году, будучи 65 лѣтъ отъ роду онъ напечаталъ первое изданіе своихъ сказокъ — Contes de ma mère l'Oie — подъ именемъ своего одиннадцатилѣтняго сына и написанныхъ для него. Карла Перрò не должно смѣшивать съ его братомъ, Клавдіемъ, медикомъ и архитекторомъ, авторомъ Луврской коло нады.

Иванъ Тургеневъ.

порученную ея надзору ото всякаго соприкосновенія съ другими дѣтьми — для того чтобы, какъ выражалась почтенная наставница, ни одинъ ложный фактъ не водворился въ юной головѣ. Дѣвочка выросла и превратилась въ отъявленную кокетку, — но уже это, какъ извѣстно, не вина теоріи, остающейся непогрѣшительной по-прежнему. Какъ бы то ни было, намъ кажется весьма труднымъ и едва ли полезнымъ — до поры до времени изгонять всё волшебное и чудесное, оставлять молодое воображеніе безъ пищи, замѣнить сказку разсказомъ. Учитель, безспорно, нуженъ ребёнку, да и нянька ему нужна.

Остроумный издатель сказокъ Перро̀, Ж. Гетцель, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ П. Сталя, въ предисловіи своемъ замѣчаетъ очень справедливо, что не слѣдуетъ опасаться чудеснаго для дѣтей. Не говоря уже о томъ, что многія изъ нихъ не даютъ себя въ обманъ вполнѣ и, забавляясь красотой и миловидностью своей игрушки, въ сущности очень твердо знаютъ, что этого никогда не случалось — (вспомните, господа, какъ вы ѣзжали верхомъ на палочкахъ; вѣдь вы знали, что это подъ вами не лошади, — а дѣло всё таки выходило совершенно правдоподобно, и удовольствіе получалось отличное); но даже тѣ дѣти (и это большей частью самыя даровитыя и умныя головки), которыя безусловно вѣрятъ всѣмъ чудесамъ сказки — очень хорошо умѣютъ тотчасъ отрѣшиться отъ этой вѣры, какъ только часъ тому настанетъ. „Дѣти, какъ взрослые, берутъ въ книжкахъ только то, что имъ нужно, и пока оно имъ нужно.“ Гетцель правъ: не въ этомъ направленіи лежатъ опасности и трудности дѣтскаго воспитанія.

Мы сейчасъ сказали, что одной изъ причинъ относительной неизвѣстности у насъ сказокъ Перрò мы полагаемъ недостатокъ хорошихъ переводовъ и изданій. Публикѣ предоставляется судить насколько нашъ переводъ удовлетворителенъ; что же касается до настоящаго изданія — то подобнаго ему не было ещё не только у насъ въ Россіи, но и за границей; а имя геніяльнаго рисовальщика Густава Дорэ стало слишкомъ громкимъ и не нуждается ни въ какихъ похвалахъ.

Карлъ Перрò родился въ Парижѣ въ 1628^{мъ} году и умеръ тамъ же въ 1697^{мъ}. Въ 1693^{мъ} году, будучи 65 лѣтъ отъ роду онъ напечаталъ первое изданіе своихъ сказокъ — Contes de ma mère l'Oie — подъ именемъ своего одиннадцатилѣтняго сына и написанныхъ для него. Карла Перрò не должно смѣшивать съ его братомъ, Клавдіемъ, медикомъ и архитекторомъ, авторомъ Луврской коло нады.

Иванъ Тургеневъ.

P.ANNEMAKER

Красная Шапочка.

Жила-была въ одной деревушкѣ дѣвочка красоты невиданной: мать отъ нея безъ ума была, а бабушка совсѣмъ на ней помѣшалась. Эта добрая старушка купила ей красную шапочку, которая такъ дѣвочкѣ къ лицу пристала, что отъ шапочки ей и кличка пошла, и вездѣ звали ее Красною Шапочкою.

Разъ мать вынула изъ печи пироги, и говоритъ ей:

— Сходи-ка къ бабушкѣ понавѣдаться; сказываютъ она нездорова. Да снеси ей пирожокъ и горшочекъ масла.

Красная Шапочка сейчасъ встала и отправилась къ бабушкѣ, которая жила въ другой деревнѣ. Только идетъ она лѣсомъ и встрѣчаетъ волка. Волкъ хотѣлъ бы ее съѣсть, да не смѣетъ, потому-что по близости дровосѣки слышны. Вотъ онъ и спрашиваетъ:

— Куда ты идешь?

Бѣдная дѣвочка не знала, что съ волкомъ опасно останавливаться растабарывать, и отвѣчаетъ ему:

— Иду къ бабушкѣ; несу ей отъ матушки пирожокъ да горшочекъ масла.

— А далеко бабушка живетъ? спрашиваетъ волкъ.

— О, далеко! отвѣчаетъ Красная Шапочка: — по за тою мельницею, что вонъ-вонъ виднѣется впереди; а тамъ будетъ первый домъ какъ войдешь въ деревню.

— Знаешь что̀, говоритъ ей волкъ: — пойду-ка и я къ бабушкѣ. — Я пойду этой дорогой, а ты ступай тою: посмотримъ, кто изъ насъ скорѣе дойдетъ.

И волкъ бросился изо всѣхъ силъ бѣжать по самой короткой дорогѣ, а дѣвочка побрела шажкомъ по самой длинной. На пути она собирала орѣхи, гонялась за бабочками, рвала цвѣты. Она еще забавлялась дорогою какъ волкъ уже прискакалъ къ бабушкину дому. — Постучался:

— Стукъ, стукъ.

— Кто тамъ такой?

— Это я, внучка ваша, Красная Шапочка, отвѣчалъ волкъ, перемѣняя голосъ: — пирожокъ несу, да горшочекъ масла: матушка прислала.

Бабушка лежала въ постели, потому что ей немного нездоровилось, и кричитъ оттуда:

— Дерни за веревочку, засовъ отойдетъ.

Волкъ дернулъ за веревочку, дверь отворилась. Онъ бросился на старушку и разомъ проглотилъ ее, потому что уже больше трехъ дней ничего не кушалъ.

Потомъ онъ заперъ дверь, улегся въ бабушкину постель и сталъ поджидать Красную Шапочку, которая чрезъ нѣсколько времени пришла и постучалась:

— Стукъ, стукъ.

— Кто тамъ такой?

Услышавъ грубый волчій голосъ, Красная Шапочка сперва было испугалась, но подумавъ, что вѣрно у бабушки насморкъ, отвѣчала:

PANNEMAKER
G. Doré

G. Doré
PANNEMAKER

— Это я, внучка ваша, Красная Шапочка; пирожокъ несу да горшочекъ масла: матушка прислала.

Волкъ крикнулъ ка̀къ-только могъ тонкимъ голосомъ:

— Дерни за веревочку, засовъ отойдетъ.

Красная Шапочка дернула за веревочку, дверь отворилась. — Когда дѣвочка вошла, волкъ закутался хорошенько въ одѣяло, чтобъ она его не узнала, и говоритъ:

— Положи куда нибудь пирожокъ да горшочекъ масла, и иди прилягъ со мною.

Красная Шапочка раздѣлась и легла въ постель. Ее очень удивило, что безъ платья бабушка такая странная. — Она и говоритъ:

— Бабушка, какія у васъ длинныя руки!

— Это, внучка, чтобы получше тебя обнимать.

— Бабушка, какія у васъ длинныя ноги!

— Это, внучка, чтобы получше бѣгать.

— Бабушка, какія у васъ большія уши!

— Это, внучка, чтобы получше тебя слышать.

— Бабушка, какіе у васъ большіе глаза!

— Это, внучка, чтобы получше тебя видѣть.

— Бабушка, какіе у васъ большіе зубы!

— Это, чтобы тебя съѣсть!

И съ этими словами злой волкъ бросился на Красную Шапочку и съѣлъ ее.

— Это я, внучка ваша, Красная Шапочка; пирожокъ несу да горшочекъ масла: матушка прислала.

Волкъ крикнулъ ка̀къ-только могъ тонкимъ голосомъ:

— Дерни за веревочку, засовъ отойдетъ.

Красная Шапочка дернула за веревочку, дверь отворилась. — Когда дѣвочка вошла, волкъ закутался хорошенько въ одѣяло, чтобъ она его не узнала, и говоритъ:

— Положи куда нибудь пирожокъ да горшочекъ масла, и иди прилягъ со мною.

Красная Шапочка раздѣлась и легла въ постель. Ее очень удивило, что безъ платья бабушка такая странная. — Она и говоритъ:

— Бабушка, какія у васъ длинныя руки!

— Это, внучка, чтобы получше тебя обнимать.

— Бабушка, какія у васъ длинныя ноги!

— Это, внучка, чтобы получше бѣгать.

— Бабушка, какія у васъ большія уши!

— Это, внучка, чтобы получше тебя слышать.

— Бабушка, какіе у васъ большіе глаза!

— Это, внучка, чтобы получше тебя видѣть.

— Бабушка, какіе у васъ большіе зубы!

— Это, чтобы тебя съѣсть!

И съ этими словами злой волкъ бросился на Красную Шапочку и съѣлъ ее.

Мальчикъ-съ-Пальчикъ.

Жилъ-былъ дровосѣкъ съ дровосѣчихой, и было у нихъ семеро дѣтей, всѣ семеро сыновья. Самому старшему было десять лѣтъ, самому младшему семь. — Страннымъ покажется, что дровосѣкъ нажилъ столько дѣтей въ такой короткій промежутокъ времени: но у жены его работа кипѣла, и она иначе и не рожала, какъ двойни.

Они были очень бѣдны и семеро дѣтей были имъ въ тягость, потому что ни одинъ изъ ребятишекъ не могъ еще ходить на заработки. — Еще огорчало ихъ то, что самый младшій былъ очень деликатнаго сложенія, и все молчалъ. Они считали его дурачкомъ, ибо принимали за глупость то, что, напротивъ, доказывало умъ.

Этотъ младшій былъ очень маленькаго роста. Когда онъ родился на свѣтъ, весь-то онъ былъ не больше пальца. Оттого и прозвали его Мальчикъ-съ-Пальчикъ. — Бѣдняжка былъ въ загонѣ у всего дома и всегда во всемъ безъ вины виноватъ. Но онъ былъ самый разсудительный, самый смышленый изо всѣхъ братьевъ: говорилъ онъ мало, за то много слушалъ.

Случился неурожайный годъ и такой голодъ, что эти бѣдняки рѣшились бросить своихъ дѣтей.

C. MAURAND
G. DORÉ

Разъ вечеромъ, уложивъ ихъ спать, грѣется дровосѣкъ съ женою у огня и говоритъ ей, а у самого сердце такъ и ноетъ:

— Жена, мы больше не въ состоянiи прокормить ребятишекъ. Я не вынесу, если они на нашихъ глазахъ умрутъ съ голоду. Возьмемъ ихъ завтра, поведемъ въ лѣсъ и тамъ бросимъ: пока они будутъ играть, собирая хворостъ, мы потихоньку уйдемъ.

— Ахъ, вскричала дровосѣчиха: — не стыдно ли тебѣ замышлять погибель своихъ родныхъ дѣтей!

Мужъ принялся уговаривать жену, представляя, въ какой они находятся нищетѣ, но та не соглашалась, ибо, хотя находилась она и въ бѣдности, но была мать своимъ дѣтямъ. — Однако сообразивъ, ка̀къ ей будетъ горестно, если они всѣ умрутъ съ голоду передъ ея глазами, наконецъ согласилась, и вся заплаканная легла спать.

Мальчикъ-съ-Пальчикъ не проронилъ ни одного слова изъ того, что̀ они говорили, ибо заслышавъ съ своей кроватки, что отецъ съ матерью толкуютъ о чемъ то важномъ, онъ потихоньку всталъ и спрятался подъ скамейку, откуда все и слышалъ.

Улегшись опять въ постель, онъ всю ночь не смыкалъ глазъ, все раздумывалъ, что̀ теперь слѣдуетъ дѣлать. Утромъ онъ всталъ ранехонько, пошелъ къ рѣкѣ, набилъ карманы маленькими бѣлыми камешками, и потомъ возвратился домой.

Скоро отправились въ лѣсъ. — Мальчикъ-съ-Пальчикъ ничего не разсказалъ братьямъ изъ того, что̀ онъ узналъ.

Зашли они въ лѣсъ дремучiй, гдѣ за десять шаговъ не видать другъ-друга. Дровосѣкъ началъ рубить деревья, дѣти — собирать хворостъ. Когда они углубились въ свою работу, отецъ съ матерью понемножку отошли отъ нихъ, и потомъ вдругъ убѣжали по секретной дорожкѣ.

Оставшись одни, дѣти раскричались и расплакались. — Мальчикъ-съ-Пальчикъ не мѣшалъ имъ: онъ зналъ какъ возвратиться домой, ибо идучи въ лѣсъ онъ всю дорогу бросалъ изъ кармановъ маленькіе бѣлые камешки. — Поэтому онъ имъ и сталъ говорить:

— Не бойтесь, братцы! Отецъ съ матерью насъ бросили, а я васъ домой приведу; только идите за мною.

Всѣ пошли за нимъ, и онъ привелъ ихъ домой тою самою дорогою, по которой они отправились въ лѣсъ. — Прямо войти въ избу они побоялись, но прислонились всѣ къ двери, и стали слушать, что̀ говоритъ отецъ съ матерью.

А надобно знать, что когда дровосѣкъ съ дровосѣчихой возвратились изъ лѣса, помѣщикъ того села прислалъ имъ десять рублей, которые съ давнихъ поръ былъ имъ долженъ и на которые они уже махнули рукою. Это ихъ спасло, ибо бѣдняки уже совсѣмъ умирали съ голоду.

Дровосѣкъ сейчасъ послалъ жену въ мясную лавку. — Какъ они давно уже ничего не ѣли, то жена купила втрое больше мяса, чѣмъ нужно для двухъ человѣкъ.

Покушавъ въ волю, дровосѣчиха и говоритъ:

— Ахъ, гдѣ-то теперь наши бѣдныя дѣтки! Какъ бы они славно поѣли остатковъ! — А все мы, Иванъ, мы всему причина! Вѣдь говорила я тебѣ, что будемъ мы послѣ плакать! — Ну что̀ они теперь дѣлаютъ въ этомъ дремучемъ лѣсу! Ахъ, Боже мой, можетъ быть ихъ уже съѣли волки! — И какъ у тебя духу хватило загубить своихъ родныхъ дѣтей!

Дровосѣкъ наконецъ разсердился, ибо она разъ двадцать повторила, что будетъ онъ раскаяваться, и что она его предупреждала. — Онъ погрозилъ, что поколотитъ ее, если она не перестанетъ.

И самъ-то дровосѣкъ досадовалъ можетъ быть еще сильнѣе жены, но она ему надоѣла своими попреками. — Дровосѣкъ, подобно многимъ другимъ людямъ, любилъ спрашивать совѣты, но терпѣть не могъ, чтобъ ему кололи глаза совѣтами, которыхъ онъ не послушалъ.

Дровосѣчиха такъ и разливалась слезами.

— Господи, плакалась она: — гдѣ теперь мои дѣтки, гдѣ мои бѣдныя дѣтки!

И наконецъ проговорила эти слова такъ громко, что дѣти, стоявшія у дверей, услышали её и разомъ закричали:

— Мы здѣсь! мы здѣсь!

Дровосѣчиха бросилась отворить имъ двери, и цѣлуя ихъ, сказала:

— Какъ я рада васъ видѣть, мои милыя дѣтки! — Вы должно быть очень устали и крѣпко проголодались. — А ты, Петруша, ка́къ ты перепачкался! — Дай я тебя умою.

Петруша былъ старшій сынъ, котораго она любила больше всѣхъ, потому что онъ былъ рыжеватъ, и она сама была немножко рыжа.

Дѣти сѣли за столъ и поужинали съ апетитомъ, что́ доставило отцу съ матерью большое удовольствіе. Потомъ они описали, ка́къ имъ было страшно въ лѣсу, разсказывая это почти всѣ разомъ.

Добрые люди не нарадовались возвращенію своихъ дѣтей, и радость ихъ продолжалась до тѣхъ поръ, пока не истратились деньги. Но когда десять рублей ушли на издержки, дровосѣкомъ съ дровосѣчихой овладѣло прежнее горе, и они рѣшились опять бросить дѣтей; а чтобы и въ этотъ разъ не промахнуться — завести ихъ подальше прежняго. — Ка́къ они секретно объ этомъ ни переговаривались, однако Мальчикъ-съ-Пальчикъ ихъ подслушалъ. — Онъ надѣялся вывернуться тѣмъ же манеромъ; но хоть и всталъ онъ

ранымъ-ранешенько, бѣлыхъ камешковъ не могъ онъ набрать, ибо двери въ избѣ были заперты на̀-ключь . . .

Мальчикъ-съ-Пальчикъ все еще раздумывалъ, что̀ дѣлать, когда мать роздала дѣтямъ по куску хлѣба на завтракъ. Тутъ ему пришло въ голову, нельзя ли употребить хлѣбъ вмѣсто камешковъ и разбросать его дорогою по крошкамъ. — Съ такою мыслію онъ спряталъ хлѣбъ въ карманъ.

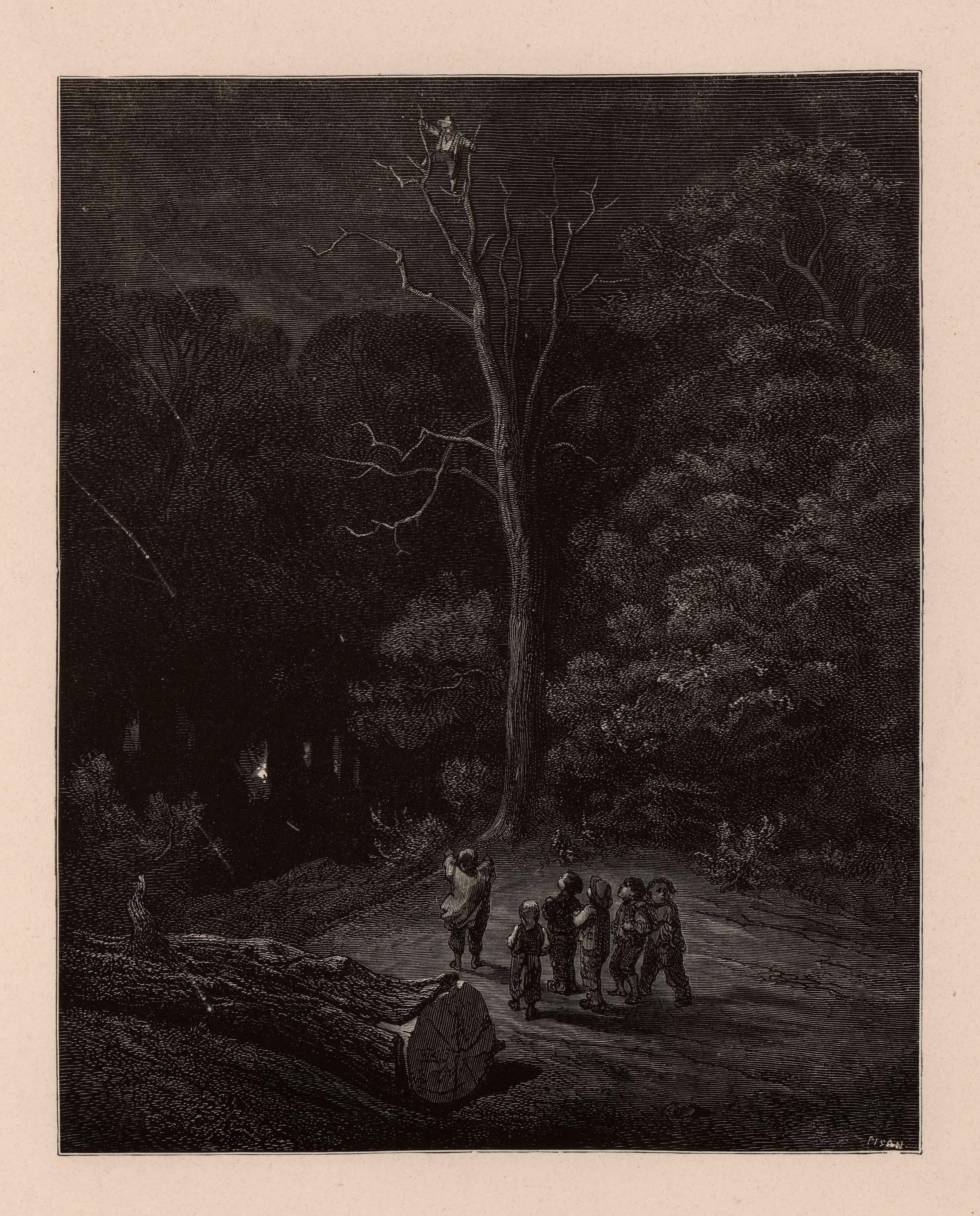
Отецъ съ матерью завели дѣтей въ самую густую, самую непроходимую чащу дремучаго лѣса, и какъ только тамъ очутились, такъ сейчасъ бросили ихъ; а сами ушли секретной дорожкой.

Мальчикъ-съ-Пальчикъ не слишкомъ-то опечалился, ибо надѣялся легко найти дорогу по крошкамъ хлѣба, которыя онъ вездѣ разсыпалъ. Но какъ же онъ удивился, когда начавъ искать не нашелъ нигдѣ ни одной крошки! — Птицы пролетныя мимо летѣли, да все и съѣли.

Попали дѣти въ бѣду. — Чѣмъ больше они продирались сквозь лѣсъ, тѣмъ больше плутали, тѣмъ больше уходили въ чащу. — Настала ночь, поднялся сильный вѣтеръ и навелъ на нихъ страшный ужасъ. Чудилось имъ, что со всѣхъ сторонъ воютъ и бросаются на нихъ волки. Они не смѣли ни слова произнести, ни повернуть голову.

Потомъ хлынулъ проливной дождь и промочилъ ихъ до костей. — На каждомъ шагу, они спотыкались, падали въ грязь, а поднимаясь не знали куда дѣться съ своими перепачканными руками.

Мальчикъ-съ-Пальчикъ взлѣзъ на дерево, посмотрѣть нѣтъ ли вблизи жилья человѣческаго. — Смотритъ онъ во всѣ стороны, и видитъ — точно свѣча свѣтится, но далеко-далеко за лѣсомъ. — Онъ слѣзъ съ дерева. — Глядитъ: съ земли ничего не видно; это его огорчило.

PISAN

ранымъ-ранешенько, бѣлыхъ камешковъ не могъ онъ набрать, ибо двери въ избѣ были заперты на̀-ключь . . .

Мальчикъ-съ-Пальчикъ все еще раздумывалъ, что̀ дѣлать, когда мать роздала дѣтямъ по куску хлѣба на завтракъ. Тутъ ему пришло въ голову, нельзя ли употребить хлѣбъ вмѣсто камешковъ и разбросать его дорогою по крошкамъ. — Съ такою мыслію онъ спряталъ хлѣбъ въ карманъ.

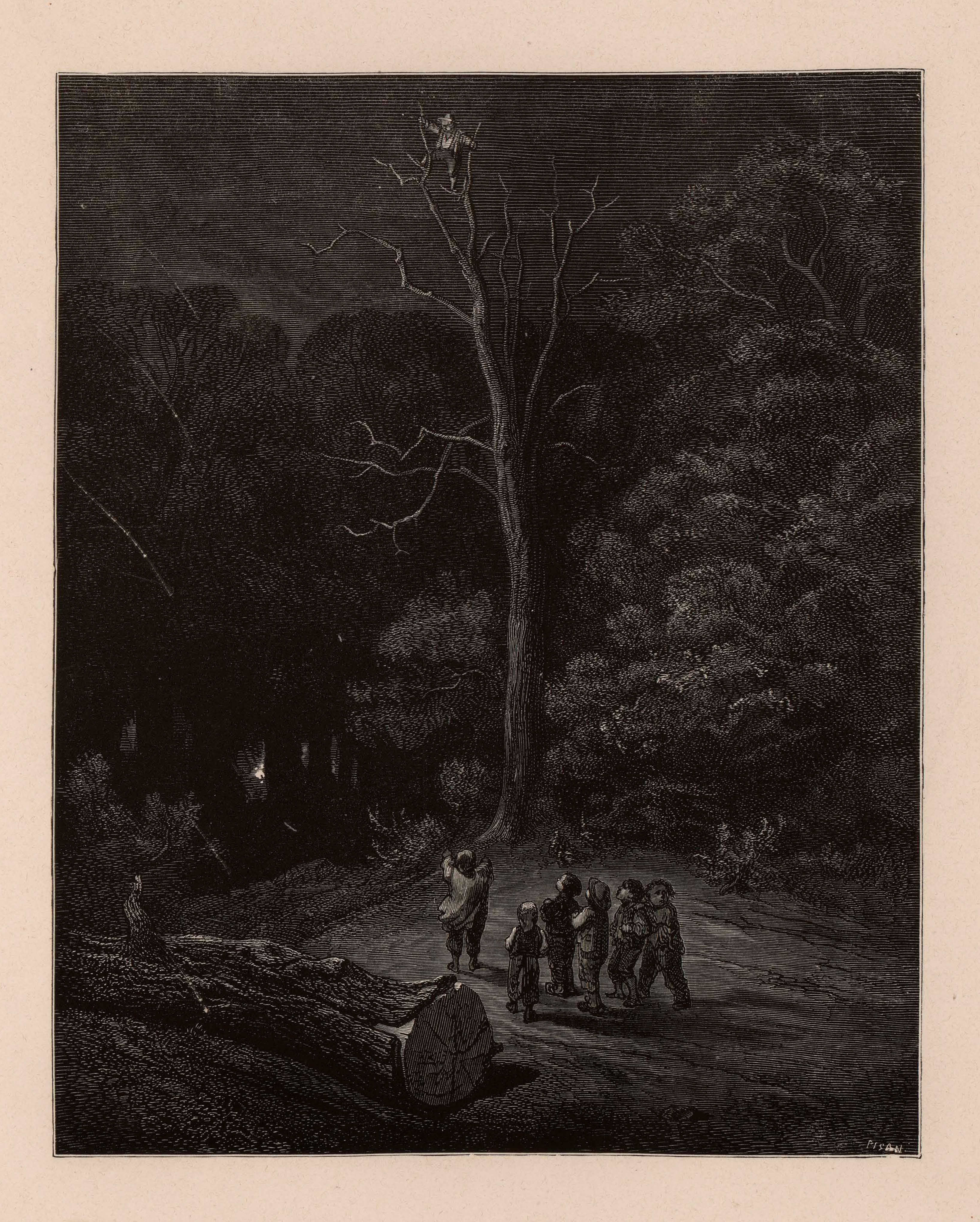
Отецъ съ матерью завели дѣтей въ самую густую, самую непроходимую чащу дремучаго лѣса, и какъ только тамъ очутились, такъ сейчасъ бросили ихъ; а сами ушли секретной дорожкой.

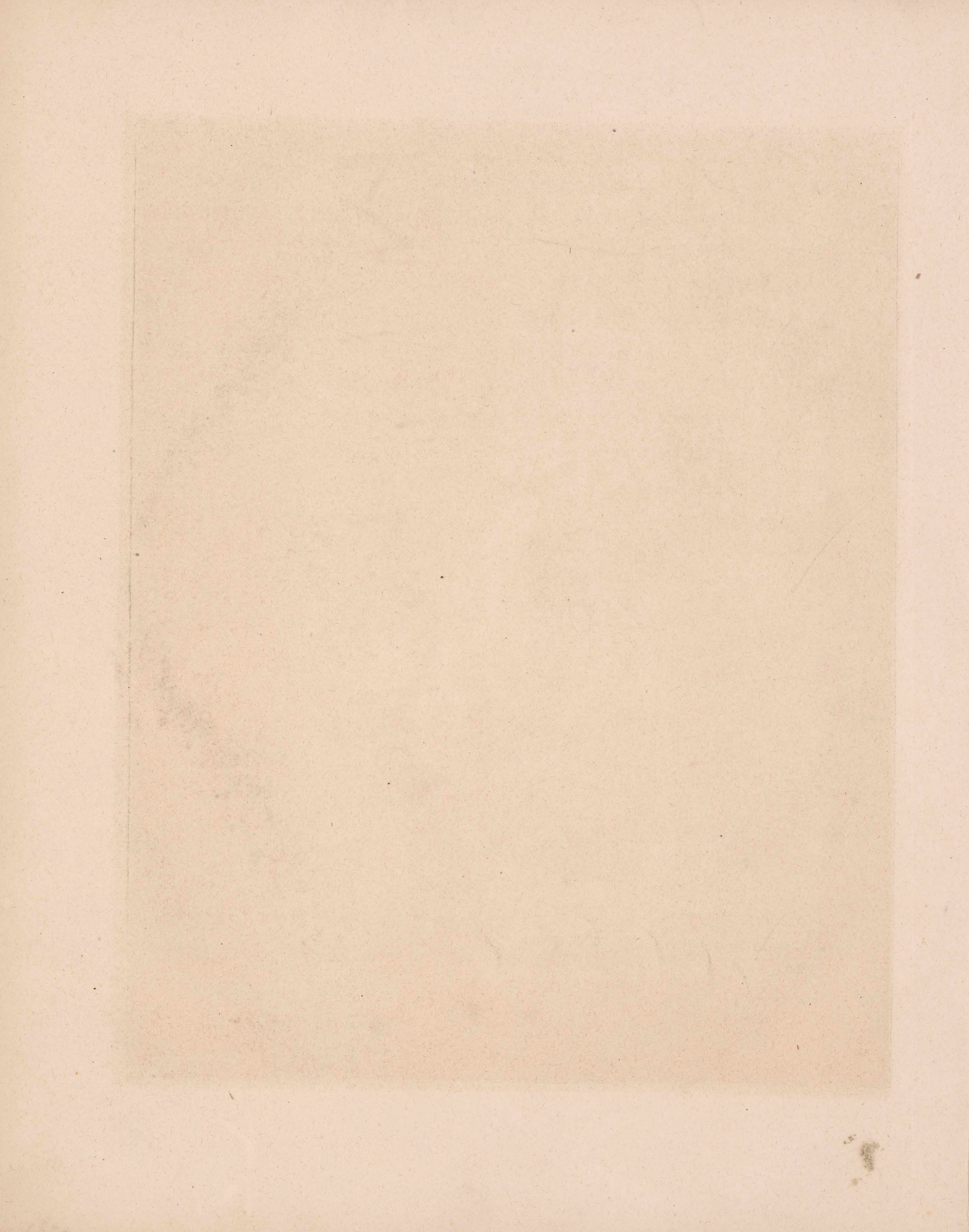
Мальчикъ-съ-Пальчикъ не слишкомъ-то опечалился, ибо надѣялся легко найти дорогу по крошкамъ хлѣба, которыя онъ вездѣ разсыпалъ. Но какъ же онъ удивился, когда начавъ искать не нашелъ нигдѣ ни одной крошки! — Птицы пролетныя мимо летѣли, да все и съѣли.

Попали дѣти въ бѣду. — Чѣмъ больше они продирались сквозь лѣсъ, тѣмъ больше плутали, тѣмъ больше уходили въ чащу. — Настала ночь, поднялся сильный вѣтеръ и навелъ на нихъ страшный ужасъ. Чудилось имъ, что со всѣхъ сторонъ воютъ и бросаются на нихъ волки. Они не смѣли ни слова произнести, ни повернуть голову.

Потомъ хлынулъ проливной дождь и промочилъ ихъ до костей. — На каждомъ шагу, они спотыкались, падали въ грязь, а поднимаясь не знали куда дѣться съ своими перепачканными руками.

Мальчикъ-съ-Пальчикъ взлѣзъ на дерево, посмотрѣть нѣтъ ли вблизи жилья человѣческаго. — Смотритъ онъ во всѣ стороны, и видитъ — точно свѣча свѣтится, но далеко-далеко за лѣсомъ. — Онъ слѣзъ съ дерева. — Глядитъ: съ земли ничего не видно; это его огорчило.

PISAN.

G. Doré
H. PISAN

PANNEMAKER
G. Doré

Однако они пошли въ ту сторону, откуда виднѣлся свѣтъ, и выбравшись изъ лѣса опять его увидали. — Наконецъ они дошли до домика, гдѣ свѣтъ горѣлъ, — дошли не безъ новыхъ страстей, ибо свѣтъ часто пропадалъ изъ виду, — всякій разъ, какъ они проваливались въ какую нибудь трущобу.

Постучались дѣти въ двери. — Вышла старушка, спрашиваетъ, что̀ имъ нужно.

Мальчикъ-съ-Пальчикъ отвѣчаетъ, что такъ и такъ, они — бѣдныя дѣти, заблудились въ лѣсу, просятъ пріютить ихъ Христа-ради.

Увидавъ, какіе они всѣ молоденькіе, старушка заплакала и говоритъ имъ:

— Ахъ, дѣтки мои бѣдныя, куда это васъ занесло! Да знаете ли вы, что здѣсь живетъ Людоѣдъ? Онъ васъ съѣстъ!

— Ахъ, сударыня, отвѣчалъ Мальчикъ-съ-Пальчикъ, дрожа всѣмъ тѣломъ — братья его тоже дрожали: — ка̀къ же намъ быть? — Вѣдь если вы насъ прогоните, насъ все равно заѣдятъ въ лѣсу волки! Такъ пусть ужъ скушаетъ насъ вашъ супругъ. — Да онъ можетъ быть и смилуется надъ нами, если вы его хорошенько попросите.

Старушка, подумавъ, авось не удастся ли спрятать дѣтей до-утра отъ мужа, впустила ихъ и посадила грѣться къ огню, гдѣ цѣлый баранъ жарился на вертелѣ, на ужинъ Людоѣду.

Едва дѣти начали грѣться, какъ послышался громкій стукъ въ двери: Людоѣдъ возвращался домой. — Жена сейчасъ спрятала ихъ подъ кровать и пошла отворить двери.

Людоѣдъ спросилъ, готовъ ли ужинъ и нацѣжено ли вино, потомъ сѣлъ за столъ. — Баранъ еще не дожарился, былъ весь въ крови, но отъ этого показался ему еще вкуснѣе. — Вдругъ Людоѣдъ давай нюхать направо и налѣво, говоря, что слышитъ человѣчье мясо…

— Это должно быть вотъ-тотъ теленокъ, отвѣчала жена: — я сейчасъ сняла съ него шкуру.

— Говорятъ тебѣ, слышу человѣчье мясо, закричалъ Людоѣдъ, поглядывая на жену косо. — Здѣсь кто-то есть.

Съ этими словами онъ всталъ и прямо подошелъ къ кровати.

— А! завопилъ онъ: такъ вотъ какъ ты меня надуваешь, проклятая баба! — Вотъ я возьму да тебя самую съѣмъ! Счастье твое, что ты такая старая скотина! — Эге-ге, кстати подошла эта дичинка: будетъ чѣмъ угостить пріятелей, которыхъ я зазвалъ на дняхъ отобѣдать.

И, одинъ за другимъ, онъ вытащилъ дѣтей изъ подъ кровати.

Дѣти бросились на колѣни, стали просить пощады; но они попались въ руки самому злому изо всѣхъ Людоѣдовъ, который не имѣлъ жалости и уже пожиралъ ихъ глазами, приговаривая, что подъ хорошимъ соусомъ это будутъ лакомые кусочки . . .

Онъ уже взялъ было большой ножъ и, подойдя къ дѣтямъ, сталъ точить его на длинномъ точильномъ камнѣ . . .

Онъ уже схватилъ было одного, какъ тутъ жена его вмѣшалась.

— И чего ты торопишься, заговорила она. — Вѣдь уже поздно. Развѣ не будетъ времени завтра?

— Молчи! крикнулъ Людоѣдъ. — Я хочу сегодня, чтобъ имъ было досаднѣй.

— Да вѣдь мяса у насъ еще цѣлый ворохъ, продолжала жена: — смотри-вотъ теленокъ, два барана, полъ-свиньи . . .

— Правда твоя, отвѣчалъ Людоѣдъ. — Ну такъ накорми ихъ вплотную, чтобы не исхудали, и уложи спать.

Добрая старушка, внѣ себя отъ радости, подала дѣтямъ отличный ужинъ, но желудокъ у нихъ не принималъ пищи, до того они перепугались.

G. Doré
G. Pannichon. sc.

А самъ Людоѣдъ принялся тянуть вино, въ восторгѣ, что будетъ чѣмъ угостить пріятелей на славу. — И хватилъ онъ стакановъ двѣнадцать больше обыкновеннаго, такъ-что голова у него нѣсколько закружилась, и онъ отправился спать.

У Людоѣда было семеро дочерей, еще въ ребяческомъ возрастѣ. — Эти маленькія людоѣдки имѣли прекрасный цвѣтъ лица, потому что питались человѣчьимъ мясомъ, въ подражанье папашѣ. Но глаза у нихъ были чуть замѣтные, сѣрые, круглые; носъ крючкомъ, ротъ — непомѣрной величины съ длинными, острыми, рѣдкими зубами. — Онѣ были еще не очень злы, но уже показывали свирѣпый характеръ, ибо кусали маленькихъ дѣтей и пили ихъ кровь.

Ихъ уложили спать спозаранку. Всѣ семеро лежали на большой кровати, и у каждой изъ семерыхъ былъ на головѣ золотой вѣнокъ.

Въ той же самой комнатѣ стояла другая кровать, такой же величины. На эту то кровать жена Людоѣда положила семерыхъ мальчиковъ, послѣ чего и сама отправилась спать къ своему мужу.

Мальчикъ-съ-Пальчикъ замѣтилъ, что у дочерей Людоѣда на головахъ золотые вѣнки. Онъ боялся, чтобы Людоѣду не пришла вдругъ фантазія теперь же ихъ зарѣзать. — Вотъ онъ взялъ да и поднялся посреди ночи, снялъ съ братьевъ и съ своей головы ночныя шапочки, снялъ также — потихоньку — золотые вѣнки съ дочерей Людоѣда, и надѣлъ имъ на головы шапочки, а себѣ и братьямъ вѣнки, — для того, чтобы Людоѣдъ принялъ мальчиковъ за своихъ дочерей, а дочерей своихъ за мальчиковъ, которыхъ онъ хотѣлъ перерѣзать.

Штука удалась, какъ онъ разсчитывалъ. — Людоѣдъ проснулся, и сталъ жалѣть, зачѣмъ онъ отложилъ на завтра то, что̀ могъ сдѣлать сегодня.

Онъ сейчасъ соскочилъ съ кровати и, схвативъ большой ножъ, сказалъ:

— А посмотримъ-ка, что̀ подѣлываютъ наши мальчуганы. — Нечего тутъ церемониться: порѣшить съ ними сейчасъ.

Пробрался онъ ощупью въ комнату своихъ дочерей, и подошелъ къ кровати, гдѣ были мальчики. — Всѣ они спали, кромѣ Мальчика-съ-Пальчика, который ужасно испугался, когда Людоѣдъ, ощупавъ голову другихъ братьевъ, сталъ щупать его голову.

Почувствовавъ золотые вѣнки, Людоѣдъ сказалъ:

— Ну вотъ! чуть было я не надѣлалъ глупостей! — Должно быть я вчера лишнее выпилъ.

И онъ отправился къ кровати своихъ дочерей. — Нащупавъ шапочки дровосѣчьихъ дѣтей, онъ сказалъ:

— А, вотъ гдѣ мои молодцы. — Качай ихъ смѣлѣе!

И съ этими словами онъ, не задумываясь, перерѣзалъ горло своимъ семерымъ дочерямъ . . .

Потомъ, довольный своимъ подвигомъ, Людоѣдъ пошелъ спать къ женѣ.

Какъ-только Мальчикъ-съ-Пальчикъ услышалъ, что Людоѣдъ захрапѣлъ, онъ сейчасъ разбудилъ братьевъ, и приказалъ скорѣй одѣваться и идти за нимъ. — Они вышли потихоньку въ садъ, перескочили черезъ стѣну, — и цѣлую ночь бѣжали куда глаза глядятъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и не вѣдая, куда они идутъ.

Проснувшись, Людоѣдъ и говоритъ женѣ:

— Ступай на верхъ, убери вчерашнихъ мальчугановъ.

Людоѣдку очень удивила такая заботливость, ибо, не понявъ въ какомъ именно смыслѣ мужъ приказываетъ ей убрать дѣтей, она подумала, что это значитъ пріодѣть ихъ. — Поднялась она на верхъ — и съ изумленіемъ видитъ, что всѣ семеро дочерей зарѣзаны, плаваютъ въ крови. — Она упала въ обморокъ: въ подобныхъ случаяхъ всѣ женщины прибѣгаютъ къ этому маневру.

Doré
PANNEMAKER

Людоѣдъ, опасаясь чтобы жена не провозилась слишкомъ долго, тоже пошелъ на верхъ, помочь ей. — И онъ изумился не меньше жены при видѣ страшнаго зрѣлища.

— Ахъ, что я надѣлалъ! вскричалъ онъ. — Доберусь же я до этихъ мерзавцевъ, да сію же минуту!

Онъ сейчасъ прыснулъ пригоршню воды въ носъ своей жены и, приведя ее въ чувство, говоритъ:

— Давай мнѣ скорѣе семимильные сапоги; пойду догонять дѣтишекъ.

Побѣжалъ онъ; порыскалъ то тамъ, то сямъ, и наконецъ попалъ на дорогу, которою шли бѣдныя дѣти. — А имъ оставалось всего шаговъ сто до отцовскаго дома!

Видятъ они — летитъ Людоѣдъ съ горки на горку, перепрыгивая черезъ большія рѣки, точно черезъ маленькія канавки . . .

Мальчикъ-съ-Пальчикъ замѣтилъ неподалеку пещеру въ скалѣ, спряталъ въ нее братьевъ, и самъ туда забился; сидитъ и смотритъ, что станетъ дѣлать Людоѣдъ.

Людоѣдъ усталъ отъ напрасной бѣготни (ибо семимильные сапоги очень утомляютъ человѣка); захотѣлъ отдохнуть и присѣлъ какъ-разъ на ту самую скалу, подъ которою спрятались мальчики.

Какъ онъ совсѣмъ выбился изъ силъ, то черезъ нѣсколько времени заснулъ, и принялся такъ ужасно храпѣть, что бѣднымъ дѣтямъ было менѣе страшно, когда онъ грозилъ имъ своимъ большимъ ножомъ.

Однако Мальчикъ-съ-Пальчикъ не потерялъ головы. — Онъ сказалъ братьямъ чтобы, пока Людоѣдъ спитъ, они бѣжали скорѣй домой, а о немъ не безпокоились. — Братья послушались совѣта и живо пробрались въ избу.

Мальчикъ же съ Пальчикъ подкрался къ Людоѣду, потихоньку стащилъ съ него сапоги и сейчасъ надѣлъ ихъ на себя.

Эти сапоги были очень велики и очень широки, но какъ они были заколдованы, то увеличивались или уменьшались смотря по тому, на какую ногу ихъ надѣвали, такъ что Мальчику-съ-Пальчику они пришлись какъ-разъ въ пору, точно ихъ заказывали нарочно для него.

Мальчикъ-съ-Пальчикъ пошелъ прямо къ дому Людоѣда, гдѣ жена его все плакала надъ своими зарѣзанными дочерьми.

— Вашъ супругъ, сказалъ ей Мальчикъ-съ-Пальчикъ: — находится въ большой опасности. На него напали разбойники, и грозятъ убить его, если онъ не отдастъ имъ все свое золото и все свое серебро. Они уже начали было его рѣзать: но онъ увидѣлъ меня и попросилъ извѣстить васъ объ его несчастьи, да сказать, чтобы вы дали мнѣ все, что только ни есть цѣннаго въ домѣ, не жалѣя ничего, ибо въ противномъ случаѣ разбойники убьютъ его безъ милосердія. Такъ какъ время не терпитъ, то онъ надѣлъ на меня вотъ эти свои семимильные сапоги, чтобы дѣло сдѣлалось скорѣе, а также чтобы вы не сочли меня за обманщика.

Бѣдная старушка перепугалась и отдала все, что имѣла, ибо Людоѣдъ, хоть и кушалъ маленькихъ дѣтей, но былъ хорошій мужъ, и она его любила.

Забравъ всѣ сокровища Людоѣда, Мальчикъ-съ-Пальчикъ возвратился домой, гдѣ его встрѣтили съ большою радостью.

Историки не согласны между собою относительно этого послѣдняго обстоятельства. — Нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ, что Мальчикъ-съ-Пальчикъ никогда не обкрадывалъ Людоѣда: онъ, правда, не задумался взять у него семимильные сапоги, но это лишь потому, что сапоги служили Людоѣду для погони за маленькими дѣтьми . . .

Эти историки увѣряютъ, что знаютъ дѣло изъ вѣрныхъ рукъ, ибо имъ случалось и ѣсть и пить у дровосѣка. — Они увѣряютъ

также, что надѣвъ людоѣдскіе сапоги, Мальчикъ-съ-Пальчикъ отправился ко двору, гдѣ тогда очень безпокоились объ участи арміи, находившейся за тысячу верстъ отъ столицы, и объ исходѣ сраженія, которое должно было произойти.

Мальчикъ-съ-Пальчикъ, говорятъ эти историки, явился къ королю и объявилъ, что, если угодно, онъ къ вечеру принесетъ извѣстія изъ арміи. — Король обѣщалъ ему большой кушъ денегъ если онъ исполнитъ порученіе къ сроку.

Къ вечеру Мальчикъ-съ-Пальчикъ принесъ извѣстія . . . — Съ этой поры онъ сталъ заработывать много денегъ, ибо король щедро платилъ ему за свои порученія въ армію, да кромѣ того онъ пропасть получалъ отъ дамъ за извѣстія отъ ихъ жениховъ. — Это въ особенности доставляло ему большіе барыши. — Правда, иногда и жены посылали его съ письмами къ своимъ мужьямъ, но онѣ платили такъ дешево и эти комиссіи доставляли ему такъ мало, что Мальчикъ-съ-Пальчикъ не хотѣлъ и считать свою супружескую выручку.

Пробывъ нѣсколько времени гонцемъ и нaживъ большое состояніе, онъ возвратился домой, гдѣ его встрѣтили съ такою радостью, что и вообразить нельзя.

Мальчикъ-съ-Пальчикъ обезпечилъ всю свою семью. Онъ доставилъ отцу мѣсто, братьямъ тоже, и такимъ образомъ всѣхъ ихъ пристроилъ. Да и самъ получилъ придворную должность.

Спящая Красавица.

Жилъ-былъ король съ королевой, и были они бездѣтны. Это ихъ такъ огорчало, такъ огорчало, что и разсказать нельзя. Пили они всякія воды, обѣты давали, ходили на богомолье, — что ни дѣлали, ничто не помогало. — Однако королева таки забеременѣла, и родила дочь.

Справили богатыя крестины. Въ крестныя матери позвали всѣхъ волшебницъ, какія только жили въ королевствѣ (счетомъ ихъ нашлось семь), для того чтобы, по обычаю тогдашнихъ волшебницъ, каждая изъ нихъ сдѣлала маленькой принцессѣ какой нибудь посулъ, и чтобы такимъ образомъ принцесса была одарена всякими хорошими качествами.

Окрестивъ принцессу, вся компанія возвратилась въ королевскій дворецъ, гдѣ для волшебницъ приготовили роскошное угощенье. За приборомъ каждой изъ нихъ положили великолѣпный футляръ чистаго золота, въ которомъ находились золотая ложка, вилка и ножикъ, усыпанные брильянтами и рубинами. — Уже садились за столъ, какъ вдругъ въ залу вошла старая колдунья, которую не приглашали, потому что она уже больше пятидесяти лѣтъ не

G. Doré

показывалась изъ своей башни, и всѣ считали ее умершею или очарованною.

Король приказалъ поставить и ей приборъ; но не откуда было взять для нея, какъ для другихъ волшебницъ, футляръ чистаго золота, потому что такихъ футляровъ заказали всего лишь семь, по числу семи приглашенныхъ крестныхъ. — Старая карга вообразила, что это сдѣлано ей въ насмѣшку, и принялась ворчать сквозь зубы.

Одна изъ молодыхъ волшебницъ, сидѣвшая возлѣ старухи, услышала ея бормотню. — Сообразивъ, что колдунья можетъ сдѣлать маленькой принцессѣ какой нибудь недобрый посулъ, тотчасъ послѣ обѣда она пошла спрятаться за занавѣски, для того, чтобы говорить послѣ всѣхъ и такимъ образомъ имѣть возможность поправить зло, которое надѣлаетъ колдунья.

Скоро волшебницы начали говорить принцессѣ свои посулы. — Самая младшая пообѣщала, что она будетъ красивѣе всѣхъ на свѣтѣ; вторая затѣмъ — что она будетъ умна какъ ангелъ; третья — что она будетъ мастерица на всѣ руки; четвертая — что она будетъ отлично танцовать; пятая — что голосъ у нея будетъ соловьиный, а шестая — что она съ большимъ искусствомъ будетъ играть на всякихъ инструментахъ.

Когда чередъ дошелъ до старой колдуньи, та затрясла головою (больше отъ злости чѣмъ отъ старости), и сказала, что принцесса проткнетъ себѣ руку веретеномъ и отъ этого умретъ. — Отъ такого ужаснаго предсказанія всѣ гости затрепетали и никто не могъ удержать свои слезы.

Но тутъ молодая волшебница вышла изъ-за занавѣсокъ, и громко произнесла:

— Успокойтесь, король съ королевою! Дочь ваша не умретъ! Правда, не въ моей власти вовсе отмѣнить то, чѣмъ пригрозила

старая колдунья: принцесса проткнетъ себѣ руку веретеномъ. Но она не умретъ отъ этого, а только заснетъ глубокимъ сномъ, который продолжится сто лѣтъ. Тогда прійдетъ молодой королевичъ и ее разбудитъ.

Однако не смотря на это обѣщаніе, король съ своей стороны попробовалъ устранить бѣду, напророченную колдуньей. — Для этого онъ сейчасъ издалъ указъ, которымъ, подъ страхомъ смертной казни за неисполненіе, запретилъ всѣмъ и каждому въ королевствѣ употреблять веретено, или даже просто держать веретено у себя въ домѣ.

Лѣтъ этакъ черезъ пятнадцать или шестнадцать, король съ королевою поѣхали въ свой увеселительный замокъ. — Тамъ принцесса, бѣгая по комнатамъ и поднимаясь съ одного этажа въ другой, взобралась разъ подъ самую крышу, гдѣ — видитъ она — сидитъ въ каморкѣ старушонка и сучитъ веретеномъ. — Эта добрая старушка и слыхомъ не слыхала, что король наложилъ на веретено строгое запрещеніе.

— Что ты, бабушка, дѣлаешь? спросила принцесса.

— Сучу, дитятко, отвѣчала старушка, которая ея не знала.

— Ахъ, какъ это славно! сказала опять принцесса: — Какъ же это ты сучишь? — Дай-ка, милая, посмотрѣть, можетъ-быть и я тоже сумѣю.

Взяла она веретено, и какъ она была вертлява и немножко шаловлива, да какъ и по пророчествамъ волшебницъ тому слѣдовало случиться, то какъ-только она веретено взяла, такъ сейчасъ руку имъ себѣ проткнула, и упала безъ чувствъ.

Старушонка перепугалась, и давай кричать караулъ. — Со всѣхъ сторонъ сбѣжались люди; брызгаютъ принцессѣ въ лицо водою, разшнуровываютъ ее, хлопаютъ ей въ ладони, трутъ ей виски уксусомъ четырехъ разбойниковъ: нѣтъ, въ себя не приходитъ. — Тогда король,

который тоже пришелъ на шумъ, вспомнилъ пророчество волшебницъ и видя, что судьбы не минуешь когда ее волшебницы предсказали, приказалъ положить принцессу, въ самомъ лучшемъ покоѣ дворца, на кровать изъ парчи, золота и серебра.

Точно ангелъ лежала принцесса, такъ была она красива, ибо обморокъ не испортилъ цвѣтъ ея лица: щечки были алыя, губки какъ кораллы. Только глазки закрылись . . . Но ровное дыханіе доказывало, что она жива. — Король приказалъ не тревожить сонъ принцессы, пока не прійдетъ ей часъ проснуться.

Когда съ принцессой приключилась эта бѣда, добрая волшебница — та, что̀ спасла ей жизнь, замѣнивъ смерть столѣтнимъ сномъ — находилась въ нѣкоторомъ царствѣ, въ далекомъ государствѣ, верстъ тысячь за̀ сорокъ оттуда; но ей сію же минуту принесъ извѣстіе карликъ въ семимильныхъ сапогахъ (это были такіе сапоги, которые отхватывали по семи миль каждымъ взмахомъ). — Волшебница тотчасъ пустилась въ дорогу, и черезъ часъ пріѣхала въ замокъ на огненной колесницѣ, запряженной драконами.

Король побѣжалъ высадить ее изъ колесницы. — Волшебница одобрила всѣ его приказанія; но какъ она видѣла далеко впередъ, то и разсудила, что проснувшись черезъ сто лѣтъ принцесса будетъ очень недовольна, если всѣ между тѣмъ перемрутъ и она очутится одна одинешенька въ старомъ замкѣ. — По этому волшебница вотъ такъ распорядилась.

Она коснулась своею волшебною палочкою всѣхъ, кто только ни находился въ замкѣ (кромѣ короля съ королевой); коснулась статсъ-дамъ, фрейлинъ, горничныхъ, придворныхъ, офицеровъ; коснулась дворецкихъ, поваровъ, поваренковъ, казачковъ, гвардейцевъ, швейцаровъ, пажей, камеръ-лакеевъ; коснуласъ также лошадей въ конюшнѣ съ конюхами, большихъ дворовыхъ собакъ и Шарика,

маленькой принцессиной собачки, которая лежала возлѣ нея на кровати. — Какъ только она ихъ коснулась, такъ всѣ сейчасъ и заснули, — и всѣ должны были проснуться вмѣстѣ съ своею госпожею, чтобы служить ей, когда ей понадобятся ихъ услуги. Даже вертелы въ печи, унизанные куропатками и фазанами, и тѣ заснули; и огонь тоже. — Все это исполнилось въ одну минуту: волшебницы живо обработываютъ дѣло.

Тогда король съ королевой, расцѣловавъ свою милую дочь, вышли изъ замка и приказали, чтобы никто не смѣлъ подходить къ нему близко. — Да этого не нужно было и приказывать, ибо черезъ четверть часа вокругъ замка выросло столько большихъ и маленькихъ деревьевъ, столько перепутаннаго между собою шиповника и терновника, что ни человѣкъ, ни звѣрь не могли бы сквозь нихъ пробраться. — Замокъ совсѣмъ спрятался за этимъ лѣсомъ; виднѣлись только одни верхушки башенъ, и то издалека. — Всякій подумалъ, что и это устроила все та же добрая волшебница, чтобы сонъ принцессы не тревожили праздные зѣваки.

Черезъ сто лѣтъ послѣ того, сынъ короля, который правилъ тогда королевствомъ и происходилъ изъ другой фамиліи, чѣмъ спящая принцесса, охотился въ этой сторонѣ и, увидавъ изъ-за густаго лѣса верхушки башенъ, спросилъ, что̀ это такое? — Всякій отвѣчалъ ему по своему. — Одинъ говорилъ, что это старый замокъ, гдѣ водится нечистая сила; другой увѣрялъ, что здѣсь вѣдьмы празднуютъ шабашъ. Большинство утверждало, что здѣсь живетъ людоѣдъ, который хватаетъ маленькихъ дѣтей и затаскиваетъ ихъ въ свою берлогу, гдѣ и ѣстъ ихъ безъ опаски, ибо ни одинъ человѣкъ не можетъ за нимъ погнаться; только онъ одинъ умѣетъ пройти черезъ лѣсъ дремучій.

Королевичъ не зналъ, какому слуху вѣрить; какъ вдругъ подходитъ къ нему старый крестьянинъ, и говоритъ:

PANNEMAKER
G. Doré

PISAN

G. Doré
Deschamps

— Принцъ-королевичъ! годовъ тому съ хвостикомъ пятьдесятъ слышалъ я отъ своего батюшки, что въ замкѣ томъ лежитъ принцесса красоты неописанной; что будетъ она тамъ сто лѣтъ почивать, а что черезъ сто лѣтъ разбудитъ ее суженый, молодой королевичъ.

Отъ такихъ рѣчей молодой королевичъ возгорѣлъ пламенемъ. — Подумалось ему, что онъ-то и долженъ рѣшить судьбу принцессы и, жаждая любви и славы, захотѣлъ онъ сейчасъ же попытать счастья. Какъ только онъ подошелъ къ лѣсу, такъ всѣ большія деревья, шиповникъ и терновникъ сами собою раздвинулись, давая ему дорогу. — Онъ направился къ замку, который виднѣлся въ концѣ большой аллеи, куда онъ и вступилъ. — Удивительнымъ показалось королевичу, что никто изъ свиты не могъ за нимъ слѣдовать, ибо какъ только онъ прошелъ, такъ деревья сейчасъ и сдвинулись попрежнему. — Однакоже онъ продолжалъ идти впередъ: молодой да влюбленный королевичъ ничего не боится. — Скоро добрался онъ до большаго двора, гдѣ все представлялось взору въ ужасномъ видѣ: вездѣ гробовая тишина, повсюду смерть, со всѣхъ сторонъ мертвыя тѣла людей и животныхъ . . . — Однако вглядѣвшись въ красные носы и въ пунсовыя рожи швейцаровъ, королевичъ распозналъ, что они не умерли, а только заснули. И не совсѣмъ опорожненные стаканы съ виномъ показывали, что заснули они за чаркой. — Оттуда идетъ королевичъ во второй дворъ, выложенный мраморомъ; поднимается по лѣстницѣ; входитъ въ караульную залу, гдѣ въ два ряда стоитъ гвардія, съ ружьемъ на плечахъ, и храпитъ во всю ивановскую. — Проходитъ онъ множество комнатъ, въ которыхъ, ктò лежа, ктò стоя, спятъ придворные кавалеры и дамы. — Наконецъ вступаетъ въ позолоченный покой, и видитъ на кровати съ раздернутыми занавѣсами прекраснѣйшее зрѣлище: принцессу не то пятнадцати, не то шестнадцати лѣтъ, и прелести ослѣпительной, небесной.

Королевичъ приблизился въ смущеніи и, любуясь, сталъ возлѣ нея на колѣни. — Какъ въ эту самую минуту зароку пришелъ конецъ, то принцесса проснулась и, смотря на него такимъ ласковымъ взоромъ, какого нельзя бы и ожидать отъ перваго свиданія, сказала:

— Это вы, принцъ-королевичъ? — А я васъ давно ожидаю!

Въ восхищеніи отъ этихъ словъ, и еще больше отъ тона, которымъ они были произнесены, королевичъ не зналъ какъ выразить свою радость и благодарность. — Онъ изъяснилъ, что любитъ принцессу больше чѣмъ себя самого. — Рѣчи его были безсвязны, оттого они и пришлись принцессѣ по-сердцу: чѣмъ меньше красныхъ словъ, тѣмъ больше значитъ любви. — Королевичъ былъ смущенъ сильнѣе принцессы, да оно и натурально. Принцесса имѣла время обдумать, что ей слѣдуетъ говорить, ибо хотя исторія объ этомъ и умалчиваетъ, однако, по всей вѣроятности, добрая волшебница, въ продолженіи ея долгаго сна, приготовила ее къ свиданію пріятными сновидѣніями. — Такъ или иначе, часа четыре говорили они между собою, а не высказали и половины того, что было у нихъ на сердцѣ.

Между-тѣмъ, все во дворцѣ очнулось вмѣстѣ съ принцессой. Всякій принялся за свое дѣло. — А какъ влюбленныхъ было тутъ мало, то всѣмъ захотѣлось кушать. — Старшая статсъ-дама, тоже голодная какъ и всѣ, потеряла наконецъ терпѣніе, и громко доложила принцессѣ, что обѣдъ готовъ. — Королевичъ помогъ принцессѣ подняться съ кровати, ибо она была совсѣмъ одѣта, и въ очень роскошное платье. — Но королевичъ промолчалъ, что одѣта она была какъ его прабабушка, и въ старомодныхъ фижмахъ: даже въ такомъ костюмѣ принцесса была чудо-какъ хороша. — Прошли они въ зеркальную комнату; пообѣдали. — Во время обѣда прислуживали принцессины камергеры, играли скрипки и флейты музыку старую, но отличную, хотя сто лѣтъ ея не было слышно. — А послѣ обѣда, чтобы не терять

Doré
L. DUMONT.

времени, старшій капелланъ обвѣнчалъ ихъ въ дворцовой церкви, и затѣмъ статсъ-дама уложила ихъ почивать . . . .

Спали они мало, — потому что принцесса не очень-то нуждалась въ снѣ . . . — Рано утромъ королевичъ простился съ нею и возвратился домой, зная, что король долженъ находиться въ безпокойствѣ. — Королевичъ сказалъ отцу, что онъ заблудился на охотѣ и ночевалъ въ избушкѣ угольщика, который накормилъ его чернымъ хлѣбомъ да сыромъ. — Король былъ добрякъ и повѣрилъ, но королева не слишкомъ-то убѣдилась. — И видя, что королевичъ почти каждый день ѣздитъ на охоту и вѣчно остается по двѣ, по три ночи внѣ дома, она догадалась, что вѣрно у него завелась любовишка. — Такимъ-образомъ королевичъ прожилъ съ принцессою цѣлыхъ два года и прижилъ съ нею двухъ дѣтей. Старшаго ребенка, дочь, назвали Ясной Зарею; младшаго, сына — Свѣтлымъ Днемъ, ибо онъ былъ еще красивѣе, чѣмъ сестра.

Чтобы вызвать королевича на откровенность, королева часто говаривала ему, что-де молодому человѣку простительно пользоваться жизнью; но королевичъ никакъ не смѣлъ признаться ей въ своемъ секретѣ: онъ ее, правда, любилъ, а еще больше боялся, потому что она происходила изъ породы людоѣдовъ, и король взялъ ее за себя только по причинѣ ея несмѣтныхъ богатствъ.

При дворѣ ходилъ даже слухъ, что она и до сихъ поръ сохраняетъ людоѣдскіе вкусы, и что когда идутъ мимо нея малыя дѣти, она на-силу, на-силу удерживается, чтобы не броситься на нихъ . . .

И такъ, королевичъ никакъ не рѣшался открыться.

Но когда король умеръ — а это случилось въ концѣ втораго года — когда королевичъ взошелъ на престолъ, онъ объявилъ свою женидьбу, и съ большою церемоніею отправился за своею супругою въ ея замокъ. — При въѣздѣ молодой королевы въ столицу, ей

сдѣлали торжественную встрѣчу. — Пріѣхала же она съ своими двумя дѣтьми.

Нѣсколько времени спустя, молодой король пошелъ войною на сосѣда своего, царя Канталупа. — Отправляясь въ походъ, онъ поручилъ государство старой королевѣ, и очень просилъ ее присмотрѣть за его супругою и за дѣтьми.

Въ походѣ молодой король долженъ былъ провести все лѣто. Какъ только онъ уѣхалъ, старая королева сейчасъ отослала невѣстку и дѣтей въ загородный домъ, посреди дремучаго лѣса, чтобы тамъ вольнѣе насытить свой чудовищный вкусъ. Черезъ нѣсколько дней, она и сама туда явилась, и разъ вечеромъ отдала повару такое приказаніе:

— Завтра подай ты мнѣ за обѣдомъ Ясную Зорьку.

— Ахъ, барыня! вскричалъ поваръ.

— Слышишь! отвѣчала старая королева.

И произнесла это слово тономъ людоѣдки, которой хочется человѣчьего мяса.

— Да подай ты мнѣ Ясную Зорьку подъ соусомъ!

Бѣдный поваръ, видя, что съ людоѣдкою нечего шутить, взялъ большой кухонный ножъ и пошелъ въ комнату Ясной Зорьки. — Ясной Зорькѣ было тогда четыре года. — Узнавъ повара, она поскакала въ припрыжку ему на встрѣчу, со смѣхомъ бросилась ему на шею, и попросила конфетокъ. — Поваръ заплакалъ, выронилъ изъ рукъ ножъ, отправился на скотный дворъ, зарѣзалъ барашка и подалъ его подъ такимъ чудеснымъ соусомъ, что, по отзыву старой королевы, она въ жизнь не ѣдала ничего вкуснѣе.

Ясную же Зорьку поваръ унесъ и отдалъ ее женѣ спрятать въ ихъ каморкѣ.

Черезъ недѣлю злая королева опять говоритъ повару:

— Хочу скушать за ужиномъ Свѣтлый День.

Поваръ промолчалъ, но рѣшился обмануть ее какъ въ первый разъ. Пошелъ онъ за Свѣтлымъ Днемъ, и видитъ, что тотъ съ маленькой шпажонкой въ рукахъ нападаетъ на большущую обезьяну: а было ему отъ роду всего три года! — Поваръ отнесъ его къ женѣ, спряталъ вмѣстѣ съ Ясною Зорькой, а замѣсто Свѣтлаго Дня подалъ королевѣ маленькаго козленка, мясо котораго людоѣдка нашла удивительно вкуснымъ.

До сихъ поръ все шло хорошо; но однимъ вечеромъ злая королева вдругъ говоритъ повару:

— А подай-ка ты мнѣ самое молодую королеву, да тоже подъ соусомъ.

Тутъ поваръ и руками развелъ, не зная какъ бы и еще ее обмануть. — Молодой королевѣ было двадцать лѣтъ, не считая тѣхъ ста, чтò она проспала. Тѣло у нея было красивое и бѣлое, но для зубовъ немножко жесткое: какимъ же замѣнить его мясомъ? — Дѣлать нечего; чтобы спасти свою шею, поваръ рѣшился зарѣзать королеву, и пошелъ въ ея комнату, намѣреваясь разомъ съ нею покончить и нарочно напуская на себя злость. — Вотъ входитъ онъ въ комнату съ ножомъ въ рукѣ, однако, не желая убить молодую королеву въ расплохъ, докладываетъ такъ и такъ, какой ему дали приказъ.

— Рѣжь, рѣжь, говоритъ ему королева, протягивая шейку: дѣлай, чтò велѣно. — На томъ свѣтѣ я увижусь съ своими дѣтьми, которыхъ я такъ любила.

Ибо такъ какъ у королевы выкрали дѣтей, не говоря ей ни слова, то она думала, что ихъ нѣтъ уже въ живыхъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! отвѣчалъ бѣдный поваръ, тронутый ея рѣчами: — вы еще не отдадите Богу душу, а съ дѣтками увидитесь въ моей каморкѣ. — Я ихъ туда спряталъ. — А старую королеву я опять обману: замѣсто васъ подамъ ей молодую лань.

Тутъ онъ взялъ ее за руки, повелъ въ свою каморку и оставилъ тамъ хорошенько наплакаться и нацѣловаться съ дѣтками, а самъ пошелъ готовить лань. — Старая королева скушала ее съ такимъ апетитомъ, какъ будто это и взаправду была ея невѣстка. — Она очень радовалась своей продѣлкѣ, королю же собиралась сказать, когда онъ возвратится, что бѣшеные волки загрызли его молодую жену и дѣтей.

Разъ вечеромъ бродитъ она по своему обыкновенію по всему замку, разнюхивая, не пахнетъ ли гдѣ человѣчьимъ мясомъ, какъ вдругъ слышитъ — въ одной каморкѣ Свѣтлый День плачетъ, потому что мать собирается посѣчь его за капризы, а Ясная Зорька заступается за брата . . .

Узнавъ голоса молодой королевы и ея дѣтей, людоѣдка пришла въ бѣшенство отъ того, что ее обманули. — На другое же утро, съ крикомъ, отъ котораго всѣ затрепетали, приказала она вынести на средину двора большую кадушку, наполнить ее жабами, ящерицами, змѣями и ехиднами, и бросить туда королеву съ дѣтьми, повара съ поварихой и ихъ служанку. Да велѣла скрутить имъ назадъ руки.

Подвели ихъ къ кадушкѣ, палачи уже собирались схватить ихъ и бросить — какъ вдругъ, нежданно-негаданно, верхомъ на конѣ, въѣзжаетъ на дворъ король. — Онъ прискакалъ на курьерскихъ, и спрашиваетъ съ удивленіемъ, что̀ это тутъ дѣлается такое? — Никто не смѣлъ разсказать ему правду, но въ досадѣ на свою неудачу людоѣдка сама бросилась въ кадушку головою внизъ. — Тамъ гады ее сейчасъ и закусали. — Король очень огорчился, ибо все таки она была его мать; но прекрасная супруга и дѣти скоро его утѣшили.

G. Doré
A. PISAN

Замарашка.

Жилъ-былъ одинъ дворянинъ, и женился онъ вторымъ бракомъ на самой гордой и самой высокомѣрной дамѣ въ свѣтѣ. — Она имѣла отъ перваго мужа двухъ дочерей, которыя во всемъ на нее походили. Дворянинъ тоже имѣлъ уже дочь — доброты и кротости безпримѣрной: характеромъ далась она въ свою покойную мать, которая была рѣдкихъ качествъ.

Едва успѣли отпраздновать свадьбу, какъ мачиха уже показала свой нравъ: стала гнать падчерицу, добрыя свойства которой выказывали недостатки ея дочерей въ еще болѣе гнусномъ видѣ.

Она заставила ее справлять въ домѣ самую черную работу. — Падчерица и посуду мыла, падчерица въ покояхъ барыни и барышень и полы натирала. — Спала она подъ крышей, на чердакѣ, на соломенномъ тюфякѣ, тогда-какъ сестры ея жили въ комнатахъ съ паркетными полами, гдѣ стояли самыя модныя кровати и венеціянскія зеркала, которыя отражали ихъ отъ головы до пятокъ.

Бѣдная дѣвушка сносила все терпѣливо и не смѣла жаловаться отцу, который ее же разбранилъ бы, ибо жена вертѣла имъ на всѣ стороны. — Окончивъ работу, она забивалась въ уголокъ камина и садилась прямо на золу, отчего ее обыкновенно звали Грязнушкой. — А младшая сестра, не такая злая какъ старшая, называла ее Зама-

рашкой. — Однако Замарашка, хоть и въ черномъ тѣлѣ, была во сто разъ прекраснѣе своихъ разодѣтыхъ сестеръ.

Однажды сынъ тамошняго короля давалъ балъ и пригласилъ къ себѣ всѣхъ знатныхъ особъ. — Наши двѣ барышни тоже получили приглашеніе, ибо онѣ принадлежали къ высшему кругу. — Вотъ онѣ радуются, заботятся, какъ бы выбрать къ лицу платья и уборы. — Новыя хлопоты для Замарашки, потому что никому какъ ей пришлось гладить воротнички сестеръ и крахмалить рукавчики. — Въ домѣ только и рѣчи, что о нарядахъ.

— Я, говоритъ старшая, надѣну красное бархатное платье съ кружевами.

— А я, говоритъ младшая, буду въ своемъ простомъ платьѣ, за то надѣну мантилью съ золотыми цвѣтами и брильянтовую наколку, — этакъ будетъ лучше.

Послали за парикмахеромъ, устроить похитрѣе прическу, и въ первомъ магазинѣ купили мушки для лица. — Призвали къ совѣту и Замарашку, ибо знали, что у нея хорошій вкусъ. — Замарашка подала имъ отличные совѣты, даже вызвалась причесать ихъ, на что̀ сестры согласились.

За прическою онѣ и говорятъ ей:

— А что̀, Замарашка, хотѣлось бы тебѣ поѣхать на балъ?

— Ахъ, барышни, вы все насмѣхаетесь надо мною! — Куда ужъ мнѣ!

— Правда твоя, правда. — Вотъ бы смѣху было, если бы Грязнушка да сунулась на балъ.

Другая за такія рѣчи испортила бы имъ проборъ, но у Замарашки было доброе сердце, и она причесала сестеръ на славу. — Дня два онѣ ничего не ѣли, такъ все радовались. — Когда надѣвали корсеты, изорвали больше дюжины шнурковъ, до такой степени ихъ

затягивали, чтобы сдѣлать талію потоньше. — И все время онѣ торчали передъ зеркаломъ.

Наконецъ блаженный день насталъ. Сестры уѣхали. Замарашка долго провожала ихъ глазами, пока можно было видѣть карету. — Потомъ принялась плакать.

Крестная, увидавъ ее всю въ слезахъ, спросила, что̀ съ нею дѣлается?

— Мнѣ хотѣлось бы .... хотѣлось бы ....

Она рыдала такъ усердно, что не могла кончить.

Крестная была волшебница, и говоритъ:

— Тебѣ, вѣрно, хотѣлось бы на балъ, а?

— Ахъ, да! отвѣчала Замарашка со вздохомъ.

— Ну, такъ слушай; будешь умницею? говоритъ крестная. — Я это устрою.

Она повела Замарашку въ свою комнату, и говоритъ:

— Ступай въ садъ, принеси мнѣ тыкву.

Замарашка сейчасъ побѣжала, сорвала самую лучшую тыкву и принесла ее крестной, не понимая ка̀къ это тыква можетъ ввести ее на балъ.

Крестная вычистила тыкву и, оставивъ изъ ней только одну корку, ударила ее своею волшебною палочкою: тыква сейчасъ превратилась въ отличную позолоченную карету.

Потомъ крестная пошла посмотрѣть въ мышеловку, гдѣ нашла шесть живыхъ мышей.

Она приказала Замарашкѣ немножко пріотворить дверку мышеловки, и каждую мышку, которая оттуда выскакивала, трогала своею палочкою. Мышка сейчасъ обращалась въ отличную лошадь, такъ-что черезъ минуту у нихъ явилась прекрасная упряжка въ шесть лошадей, цвѣта мышиной шкурки съ яблоками.

Но крестная не знала, изъ чего сдѣлать имъ кучера.

— Постойте, говоритъ ей Замарашка: — я пойду посмотрю, нѣтъ ли въ большой мышеловкѣ крысы: мы и сдѣлаемъ изъ нея кучера.

— Правда твоя, отвѣчала крестная: — сходи, посмотри.

Замарашка принесла большую мышеловку. — Въ ней сидѣло три огромныя крысы.

Волшебница взяла ту изъ нихъ, у которой были усы побольше, и, тронувъ ее палочкою, обратила въ толстаго кучера съ длиннѣйшими усами, какихъ никто и не видывалъ.

Потомъ она сказала Замарашкѣ:

— Ступай въ садъ, тамъ ты увидишь за колодцемъ шестерыхъ ящерицъ: принеси ихъ сюда.

Какъ только Замарашка ихъ принесла, крестная сейчасъ обратила ихъ въ шестерыхъ лакеевъ, которые сiю же минуту стали на запятки и — всѣ въ галунахъ — стояли такъ, какъ будто всю жизнь свою только этимъ и занимались.

Тутъ волшебница и говоритъ Замарашкѣ:

— Ну, вотъ тебѣ экипажъ; есть въ чемъ ѣхать на балъ. — Теперь ты рада?

— Конечно рада. Но развѣ я такъ и поѣду, въ этомъ скверномъ платьѣ?

Крестная только тронула ее палочкой, и въ ту же минуту платье сдѣлалось матерчатымъ, вытканнымъ изъ золота и серебра, и украсилось драгоцѣнными каменьями. — Потомъ крестная дала ей пару хрустальныхъ башмачковъ, самыхъ красивыхъ въ свѣтѣ.

Когда Замарашка такъ разубралась, она сѣла въ карету. — Но крестная наказала ей крѣпко-на-крѣпко пуще всего не оставаться дольше полуночи, предупреждая, что если она пробудетъ на балу

G. Doré
J. FAGNION Sc.

одну минутку лишнюю — ея карета сдѣлается попрежнему тыквой, кони — мышами, слуги — ящерицами, а платье станетъ по старому тряпкой.

Замарашка обѣщала крестной непремѣнно уѣхать съ бала до полуночи.

Ѣдетъ она, не чувствуя себя отъ радости.

Королевскій сынъ, которому доложили, что пріѣхала никому неизвѣстная знатная принцесса, побѣжалъ ей на встрѣчу, высадилъ ее подъ руку изъ кареты и ввелъ въ залу, гдѣ находились гости.

Тутъ наступило глубокое молчаніе: танцы прекратились, музыка перестала играть, такъ всѣ засмотрѣлись на прелести неизвѣстной красавицы. Только и слышно было, что восклицанія:

— Ахъ, какая красотка!

Самъ король, не смотря на свои дряхлыя лѣта, не переставалъ любоваться ею и все шепталъ королевѣ, что давно уже не случалось ему видѣть такой милой, такой любезной особы.

Всѣ дамы внимательно разглядывали ея головной уборъ и платье, для того, чтобы завтра же заказать подобные наряды и себѣ, если только найдется такая богатая матерія и попадутся такіе искусные мастера.

Королевскій сынъ посадилъ Замарашку на самое почетное мѣсто и потомъ пригласилъ ее танцовать. — Она танцовала съ такою ловкостью, что гости удивлялись ей еще больше.

Подали отличное угощеніе, но королевичъ и не дотронулся до него, такъ онъ былъ занятъ неизвѣстной красавицей.

А Замарашка подсѣла къ сестрамъ и осыпала ихъ любезностями: она подѣлилась съ ними апельсинами и лимонами, которые поднесъ ей принцъ, что̀ ихъ очень удивило, ибо сестры ея не узнали.

Пока онѣ разговаривали промежъ собою, Замарашка слышитъ — бьетъ одиннадцать часовъ и три четверти: она сейчасъ сдѣлала компаніи книксенъ, и поскорѣе отправилась во-свояси.

Возвратившись домой, Замарашка сію же минуту пошла къ крестной и, поблагодаривъ ее, сказала, что ей хотѣлось бы и завтра побывать на балу, потому-что королевичъ просилъ ее пріѣхать.

Въ то время, какъ она разсказывала крестной про балъ, въ дверь постучались сестры. — Замарашка побѣжала отворять.

— Какъ вы долго не возвращались! сказала она, протирая глаза и потягиваясь, какъ будто только-что проснулась.

А ей спать еще даже и не хотѣлось!

— Если бы ты была на балу, сказала одна изъ сестеръ: — тамъ бы ты не соскучилась. — На балъ пріѣзжала принцесса такой красоты, такой красоты, что никто еще и не видѣлъ! — Она осыпала насъ любезностями: угостила насъ апельсинами и лимонами.

Замарашка не чувствовала себя отъ радости. — Она спросила сестеръ объ имени принцессы, но тѣ отвѣчали, что никто ее не знаетъ, что королевскій сынъ очень огорченъ этимъ, и что онъ не пожалѣлъ бы ничего на свѣтѣ лишь бы узнать, кто она такая.

Замарашка улыбнулась, да и говоритъ:

— Такъ вотъ какая красавица! — Господи, какія вы счастливыя! Нельзя-ли и мнѣ на нее посмотрѣть? — Ахъ, старшая барышня, дайте мнѣ ваше желтое платье, что̀ вы носите по буднямъ.

— Неужели! отвѣчала старшая сестра: — вотъ прекрасно! такъ я сейчасъ и дамъ свое платье скверной Грязнушкѣ! — Вотъ нашла дуру!

Замарашка ожидала отказа и была ему очень рада, потому что она очутилась бы въ большомъ затрудненіи, еслибы сестра согласилась одолжить ей свое платье.

На другой день сестры опять поѣхали на балъ, и Замарашка тоже, только она была еще наряднѣе чѣмъ въ первый разъ.

Королевскій сынъ все время ухаживалъ за нею и не переставалъ говорить ей комплименты.

H. BREVIÈRE, SC.

Молодая дѣвушка не скучала, и совсѣмъ позабыла приказаніе крестной, такъ-что уже начало бить полночь, когда по ея разсчету еще не должно бы быть и одиннадцати часамъ. — Она встала и убѣжала съ такою легкостью, съ какою бѣгаетъ лань.

Принцъ погнался за нею, но не догналъ.

На бѣгу Замарашка сронила съ ноги одинъ изъ своихъ хрустальныхъ башмачковъ; принцъ старательно его поднялъ.

Замарашка прибѣжала домой вся въ попыхахъ, безъ кареты, безъ лакеевъ, въ своемъ скверномъ платьѣ. Ото всей недавней роскоши у нея остался только одинъ хрустальный башмачокъ, пара тому, что она сронила.

Принцъ спросилъ у часовыхъ при дворцовыхъ воротахъ, не видали ли они принцессу? Часовые отвѣчали, что видѣли лишь молодую, дурно одѣтую дѣвушку, похожую скорѣе на мужичку, чѣмъ на барышню.

Когда сестры возвратились съ бала, Замарашка спросила ихъ, хорошо ли онѣ веселились и пріѣзжала ли опять неизвѣстная красавица?

Онѣ отвѣчали, что пріѣзжала, но въ полночь убѣжала, и съ такою поспѣшностью, что сронила съ ноги одинъ изъ своихъ хрустальныхъ башмачковъ, красивѣе которыхъ нѣтъ на свѣтѣ; что королевскій сынъ поднялъ этотъ башмачокъ, что во весь конецъ бала онъ все на него смотрѣлъ, и что онъ навѣрное влюбленъ въ красавицу, которой принадлежитъ башмачокъ.

Сестры говорили правду; ибо немного дней спустя королевскій сынъ приказалъ оповѣстить при трубныхъ звукахъ, что онъ возьметъ за себя ту дѣвушку, чья ножка придется по башмачку.

Начали его примѣрять: сперва принцессамъ, потомъ герцогинямъ и остальнымъ придворнымъ дамамъ, но все напрасно.

Принесли его и къ сестрамъ; каждая изо всѣхъ силъ старалась втиснуть ногу въ башмачокъ, но не смогла.

Замарашка, которая была при этомъ и узнала свой башмачокъ, вдругъ и говоритъ со смѣхомъ:

— Давайте и я посмотрю, не придется ли онъ на мою ногу.

Сестры принялись хохотать и насмѣхаться надъ нею.

Придворный, который примѣрялъ башмачокъ, внимательно поглядѣлъ на Замарашку и, находя ее очень красивою изъ себя, сказалъ, что конечно такъ и слѣдуетъ сдѣлать, и что ему приказано примѣрять башмачокъ всѣмъ дѣвушкамъ безъ исключенья. — Онъ усадилъ Замарашку, и когда поднесъ башмачокъ къ ея ножкѣ, то увидѣлъ, что ножка входитъ въ него безъ труда, и башмачокъ приходится ей какъ разъ в пору.

Сестры очень удивились; но онѣ еще больше удивились, когда Замарашка вынула изъ кармана другой башмачокъ и надѣла на другую ножку.

Тутъ подошла крестная и, тронувъ палочкою платье Замарашки, превратила его въ нарядъ еще болѣе роскошный, чѣмъ въ прежніе разы.

Тогда сестры узнали въ ней ту самую красавицу, которую видѣли на балу. — Онѣ бросились къ ея ногамъ, прося извинить за дурное обращеніе, которое она отъ нихъ выносила.

Замарашка подняла ихъ и, обнимая, сказала, что прощаетъ ихъ ото всего сердца и проситъ всегда ее любить.

Послѣ того ее повели, во всемъ нарядѣ, къ молодому принцу.

Она понравилась ему еще больше прежняго, и черезъ нѣсколько дней они обвѣнчались.

Замарашка, которая была столько же добра, сколько красива, помѣстила своихъ обѣихъ сестеръ во дворецъ, и въ тотъ же самый день выдала ихъ за двухъ знатныхъ царедворцевъ.

G. Doré
PANNEMAKER

Котъ въ Сапогахъ.

Одинъ мельникъ, умирая, не оставилъ своимъ тремъ сыновьямъ никакого другого наслѣдства кромѣ мельницы, осла и кота. — Съ раздѣломъ не долго возились, — и обошлись безъ помощи приказныхъ, потому что они обобрали бы все до нитки.

Старшій братъ взялъ себѣ мельницу.

Второй — осла.

А младшему дали кота.

Онъ былъ неутѣшенъ, что досталась ему такая дрянь.

— Братья, говорилъ онъ, согласясь между собою, могутъ честно зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба; а мнѣ несчастному, когда я съѣмъ своего кота и сошью изъ его шкуры рукавицы, придется умирать съ голоду.

Только вдругъ Котъ — который слышалъ эти рѣчи, но не подавалъ и виду, что ихъ слушалъ — и говоритъ спокойнымъ, серіознымъ тономъ:

— Не горюй, хозяинъ; а дай ты мнѣ лучше мѣшокъ, да закажи мнѣ пару сапоговъ, чтобы не больно было ходить по кустамъ, и увидишь, что ты не такъ обдѣленъ, какъ думаешь.

Хотя владѣлецъ Кота и не слишкомъ полагался на его обѣщанія, однако зная, какой онъ мастеръ разными хитрыми манерами ловить мышей (напримѣръ, повѣсившись за ноги, или прикинувшись мертвымъ въ мукѣ), зная его ловкость, подумалъ, что, можетъ быть, Котъ и въ самомъ дѣлѣ поможетъ ему въ несчастьи.

Когда Коту доставили то, чего онъ просилъ, онъ храбро надѣлъ сапоги, повѣсилъ мѣшокъ на шею, взялъ въ переднія лапки веревочки, которыми мѣшокъ задергивался, и пошелъ въ лѣсокъ, гдѣ водилось много кроликовъ. — Въ мѣшокъ онъ положилъ отрубей и травки. — Растянувшись, какъ мертвый, Котъ ждалъ, чтобы какой нибудь молодой кроликъ, еще не искушенный въ житейскихъ продѣлкахъ, сунулся въ мѣшокъ покушать брошенныхъ туда приманокъ.

Едва онъ улегся, какъ уже могъ праздновать побѣду: молоденькій вѣтрогонъ кроликъ вскочилъ въ мѣшокъ. — Господинъ Котъ сейчасъ задернулъ веревочки, взялъ кролика и безъ милосердія убилъ.

Радуясь своей добычѣ, онъ пошелъ къ королю и попросилъ аудіэнціи.

Кота впустили въ покои его величества. — Войдя туда, онъ отвѣсилъ королю низкій поклонъ и сказалъ:

— Вотъ, государь, кроликъ. — Господинъ маркизъ Карабасъ (такимъ именемъ вздумалось Коту украсить своего хозяина) поручилъ мнѣ поднести вамъ этого кролика отъ его чести въ подарокъ.

— Скажи своему барину, отвѣчалъ король, что я благодарю его, и очень доволенъ.

Въ другой разъ Котъ запрятался въ пшеницу, опять таки съ своимъ мѣшкомъ, и когда туда зашли двѣ куропатки — задернулъ веревочки и взялъ обѣихъ.

Потомъ онъ и ихъ отнесъ къ королю, такъ же какъ кролика. — Король благосклонно принялъ и куропатокъ и приказалъ дать Коту на чай.

G. Doré
PISAN

Такимъ образомъ Котъ два или три мѣсяца сряду носилъ королю дичину отъ имени своего хозяина. — Только разъ слышитъ онъ, что король собирается прокатиться по берегу рѣки, съ дочерью, самою хорошенькою принцессою въ свѣтѣ; и говоритъ Котъ хозяину:

— Если хочешь послушаться моего совѣта, будешь счастливъ на вѣки. — Ступай купаться въ такомъ то мѣстѣ, а объ остальномъ не заботься.

Маркизъ Карабасъ послушался Кота, хоть и не понималъ, для чего это нужно.

Только купается онъ, а король ѣдетъ мимо. — Вдругъ Котъ какъ закричитъ:

— Помогите, помогите! — Господинъ маркизъ Карабасъ тонетъ!

Король высунулъ на крикъ голову изъ кареты и, узнавъ Кота, который столько разъ приносилъ ему дичину, приказалъ своимъ гвардейцамъ скорѣе бѣжать на помощь господину маркизу Карабасу.

Пока бѣднаго маркиза вытаскивали изъ рѣки, Котъ подошелъ къ каретѣ и доложилъ королю, что въ то время какъ его баринъ купался, мошенники унесли его платье, хоть онъ, Котъ, и кричалъ караулъ изо всей силы. (А плутъ самъ же спряталъ платье подъ большой камень.)

Король сейчасъ приказалъ смотрителямъ своего гардероба принести господину маркизу Карабасу самый лучшій костюмъ.

Потомъ король обласкалъ маркиза. — Такъ какъ платье, которое ему принесли, выказывало его прекрасную фигуру (ибо онъ былъ хорошъ собою и строенъ), то королевской дочери онъ пришелся очень по вкусу. И не успѣлъ маркизъ Карабасъ бросить ей два-три почтительныхъ взгляда да одинъ немножко нѣжный, какъ она уже до сумасшествія въ него влюбилась.

Король пригласилъ его сѣсть въ карету и прокатиться вмѣстѣ съ нимъ.

Котъ, радуясь, что намѣренiе его начинаетъ приходить въ исполненiе, побѣжалъ впередъ. — Попались ему крестьяне, косившiе лугъ. Котъ и говоритъ имъ:

— Эй вы, косари! если вы да не скажете королю, что лугъ этотъ принадлежитъ господину маркизу Карабасу, смотрите у меня: всѣхъ васъ въ порошокъ истолку!

Король, дѣйствительно, спросилъ косарей, чей это лугъ?

— Господина маркиза Карабаса! отвѣчали они въ одинъ голосъ. — (Угроза Кота ихъ напугала).

— У васъ хорошее состоянiе, замѣтилъ король маркизу Карабасу.

— Да, государь, отвѣчалъ маркизъ: — этотъ лугъ даетъ мнѣ весьма порядочный доходецъ.

А Котъ все бѣжитъ впереди. — Встрѣчаются ему люди на жатвѣ; онъ и говоритъ имъ:

— Эй вы, жнецы! если вы да не скажете, что всѣ эти хлѣба принадлежатъ господину маркизу Карабасу, — смотрите у меня: — всѣхъ васъ въ порошокъ истолку!

Король, проѣзжая черезъ нѣсколько времени, пожелалъ знать, чьи это видны хлѣба?

— Господина маркиза Карабаса! отвѣчали жнецы.

И король порадовался этому вмѣстѣ съ маркизомъ.

А Котъ все бѣжалъ впереди кареты и всѣмъ, кого только ни встрѣчалъ, наказывалъ одно и то же. — Король былъ изумленъ громадностью состоянiя господина маркиза Карабаса.

Наконецъ Котъ прибѣжалъ въ прекрасный зáмокъ, принадлежавшiй Людоѣду, который обладалъ нигдѣ не виданными богатствами, ибо всѣ земли, чрезъ которыя ѣхалъ король, составляли угодья этого зáмка.

G. Doré
DELDUC

G. Doré
PANNEMAKER Sc.

Котъ — который имѣлъ осторожность предварительно навести справки о томъ, ктò-такой этотъ Людоѣдъ и какіе за нимъ водятся таланты — попросилъ позволенія представиться ему, говоря, что онъ не смѣлъ пройти мимо зàмка, не явившись къ нему на поклонъ.

Людоѣдъ принялъ его такъ вѣжливо, какъ только Людоѣдъ можетъ, и пригласилъ садиться.

— Сказываютъ, — вдругъ брякнулъ ему Котъ, — что вы имѣете способность обращаться въ разныхъ звѣрей; что вы можете, напримѣръ, перекинуться львомъ, или слономъ?

— Это правда, басомъ отвѣчалъ Людоѣдъ: — а чтобы показать тебѣ мое искусство, вотъ, смотри, я перекинусь львомъ.

Котъ такъ испугался, видя передъ собою льва, что сейчасъ забѣжалъ на крышу, — не безъ труда и не безъ опасности, по причинѣ своихъ сапоговъ, ибо въ сапогахъ весьма неудобно ходить по черепицѣ.

Когда Людоѣдъ принялъ человѣческій образъ, Котъ спустился съ крыши, и признался, что онъ былъ въ большомъ страхѣ.

— Сказываютъ еще, заговорилъ опять Котъ: — но ужъ этому я не вѣрю — будто бы вы умѣете обращаться въ самыхъ маленькихъ звѣрьковъ, можете, напримѣръ, перекинуться крысою, или мышью. — Откровенно скажу вамъ, я считаю это несбыточною вещью.

— Несбыточною! заревѣлъ Людоѣдъ: — а вотъ увидишь.

И въ ту же минуту онъ перекинулся мышью, которая забѣгала по полу.

Котъ какъ-только ее увидѣлъ, такъ сейчасъ бросился на нее и съѣлъ.

Между-тѣмъ король, замѣтивъ мимоѣздомъ прекрасный зàмокъ Людоѣда, пожелалъ въ него войти.

Котъ услышалъ стукъ экипажей по подъемному мосту, кинулся на встрѣчу, и говоритъ королю:

— Милости просимъ, ваше величество, въ за̀мокъ господина маркиза Карабаса.

— Какъ, господинъ маркизъ! вскричалъ король: — и за̀мокъ этотъ принадлежитъ вамъ? — Ничего не можетъ быть красивѣе двора и строеній: посмотримъ комнаты, если позволите.

Маркизъ подалъ молодой принцессѣ руку и послѣдовалъ за королемъ, который шелъ впереди. — Въ большой залѣ ихъ ожидала великолѣпная закуска, приготовленная Людоѣдомъ для своихъ пріятелей, которые собирались навѣстить его въ этотъ самый день, но не посмѣли войти, узнавъ, что въ за̀мкѣ находится король.

Короля очаровали добрыя качества господина маркиза Карабаса (подобно тому, какъ принцессу онѣ свели съ ума). — Видя, какимъ маркизъ обладаетъ несмѣтнымъ богатствомъ, король хватилъ пять-шесть стакановъ вина, да вдругъ и говоритъ:

— Не хотите-ли, господинъ маркизъ, быть моимъ зятемъ?

Маркизъ съ великими поклонами согласился на такую большую честь, и въ тотъ же самый день обвѣнчался на принцессѣ.

Котъ зажилъ большимъ бариномъ, и ужъ больше не ловилъ мышей, — развѣ иногда для развлеченія.

Хохликъ.

Жила-была одна королева, и родила она сына, такого урода, что долго сомнѣвались, да полно человѣкъ ли это? — Волшебница, которая находилась при родахъ, завѣрила, что онъ будетъ очень уменъ. Она прибавила даже, что, силою ея чародѣйства, онъ будетъ сообщать свой умъ всякому, кого крѣпко полюбитъ.

Все это нѣсколько утѣшило бѣдную королеву, которая очень огорчалась тѣмъ, что родила такого безобразнаго ребенка.

Но едва этотъ ребенокъ началъ лепетать, какъ онъ сталъ говорить чрезвычайно умныя вещи. И во всемъ, что только онъ ни дѣлалъ, было столько ума, что всѣ приходили отъ него въ восхищеніе.

Я забылъ сказать, что дитя родилось съ небольшимъ пучкомъ волосъ на головѣ, отчего его и прозвали Хохликомъ.

Лѣтъ этакъ черезъ семь или восемь, королева сосѣдняго царства родила двухъ дочерей.

Первая, которая явилась на свѣтъ, была прекрасна какъ день: королева такъ этому обрадовалась, что съ нею чуть не сдѣлалось дурно.

Та самая волшебница, которая находилась при рожденіи маленькаго Хохлика, присутствовала и здѣсь, и чтобы умѣрить

радость королевы, объявила, что новорожденной принцессѣ Богъ не далъ разума, и что она будетъ столько же глупа, сколько хороша.

Это очень тронуло королеву. — Но черезъ нѣсколько минутъ съ нею случилось еще бо́льшее горе: она родила вторую дочь, страшнаго уродца.

— Не горюйте, сударыня, сказала ей волшебница: — ваша дочь будетъ награждена другими достоинствами: она будетъ такъ умна, что почти никто и не замѣтитъ въ ней недостатка красоты.

— Дай Богъ! отвѣчала королева. — Но нельзя-ли снабдить немножко умомъ старшую, которая такъ красива?

— Со стороны ума, сударыня, я ничего не могу сдѣлать, отвѣчала волшебница. — Но все могу со стороны красоты. — И какъ для васъ я все готова предпринять, то даю ей въ даръ, что она будетъ сообщать свою красоту всякому, кого крѣпко полюбитъ.

По мѣрѣ того, какъ принцессы подростали, ихъ совершенства увеличивались. Вездѣ только и было рѣчей, что о красотѣ старшей, да объ умѣ младшей.

Правда, что съ возрастомъ увеличивались и ихъ недостатки. — Младшая дурнѣла съ каждой минутой, а старшая съ каждымъ часомъ становилась все глупѣе и глупѣе. Кромѣ того, она была такая разиня, что не могла чашку на столъ поставить, не отбивъ ей ушка, а когда пила воду, половину стакана опрокидывала себѣ на платье.

Хотя красота и большое достоинство въ молодой особѣ, однако гостямъ младшая почти всегда нравиласъ больше старшей.

Сперва гости подсѣдали къ красавицѣ, поглядѣть на нее, полюбоваться; но потомъ они переходили къ разумницѣ, послушать ея пріятныя рѣчи. — И къ изумленію всей компаніи, минутъ черезъ десять, возлѣ старшей уже не оставалось никого, и гости толпились вокругъ младшей.

Старшая хотя и была глупа какъ пробка, однако замѣтила это. И она безъ сожалѣнія отдала бы всю красоту за половину сестринаго ума.

Королева, несмотря на все свое благоразуміе, не могла удержатсья, чтобы не попрекать дочь ея глупостью. Отъ этого бѣдная принцесса чуть не умирала съ горя.

Разъ пошла она въ лѣсокъ, поплакать о своемъ несчастьи, только видитъ — подходитъ къ ней молодой человѣкъ, весьма некрасивый и весьма непріятный, но въ роскошномъ платьѣ.

То былъ молодой принцъ-Хохликъ, который влюбился въ нее по портретамъ, распространеннымъ по всему свѣту, и оставилъ свое королевство, чтобъ имѣть удовольствіе видѣть ее и говорить съ нею.

Радуясь, что встрѣтилъ принцессу наединѣ, Хохликъ подошелъ къ ней какъ можно почтительнѣе и вѣжливѣе. — Поздоровавшись какъ слѣдуетъ, онъ замѣтилъ, что принцесса печальна, и говоритъ:

— Не понимаю, сударыня, какъ такая прекрасная особа можетъ находиться въ такой задумчивости. Ибо хотя я могу похвалиться, что видѣлъ множество прекрасныхъ особъ, однако обязанъ сказать, что никогда не видѣлъ такой красоты, какова ваша.

— Какой вы комплиментщикъ, сударь! отвѣчала принцесса, — да на томъ и остановилась.

— Красота, продолжалъ Хохликъ, есть такое великое достоинство, что она должна замѣнять все. И кто красотою обладаетъ, тотъ не можетъ, по моему мнѣнію, ни о чемъ горевать.

— Лучше я была бы, говоритъ принцесса, такой же уродъ какъ вы, да имѣла бы умъ, чѣмъ съ моею красотою да быть такой дурой.

— Ничто, сударыня, такъ не доказываетъ умъ, какъ убѣжденіе въ его отсутствіи. Умъ по природѣ своей такое достояніе, что чѣмъ больше его имѣешь, тѣмъ больше вѣришь въ его недостатокъ.

— Этого я не знаю, говоритъ принцесса: — но знаю, что я очень глупа; оттого и горюю до смерти.

— Только-то, сударыня! — Я могу положить конецъ вашей печали.

— Какъ такъ? спросила принцесса.

— Я могу, сударыня, сообщить свой умъ той особѣ, которую крѣпко полюблю; а какъ вы-то, сударыня, и есть эта самая особа, то отъ васъ самихъ зависитъ поумнѣть, какъ только возможно, лишь бы вы согласились пойти за меня замужъ.

Принцесса смутилась и ничего не отвѣчала.

— Вижу, продолжалъ Хохликъ, что это предложеніе вамъ не по вкусу, и не удивляюсь. Но даю вамъ цѣлый годъ времени: подумайте и рѣшитесь.

Принцесса была такъ глупа, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей такъ хотѣлось поумнѣть, что — думая, когда-то еще годъ пройдетъ — она согласилась на предложеніе. — Какъ только она обѣщала Хохлику выйти за него ровно черезъ годъ, день въ день, такъ сейчасъ почувствовала себя совсѣмъ иною: нашла въ себѣ невѣроятное умѣнье говорить все, что вздумается, и говорить тонкимъ, естественнымъ и пріятнымъ maнеромъ. — Въ ту же минуту она повела съ Хохликомъ живой и галантерейный разговоръ, въ которомъ такъ отличилась, что Хохликъ недоумѣвалъ, ужъ не сообщилъ ли онъ ей больше ума, чѣмъ себѣ самому оставилъ.

Когда принцесса возвратилась во дворецъ, придворные не знали чѣмъ объяснить такое внезапное и необыкновенное превращеніе. Ибо сколько прежде у нея вырывалось глупостей, столько теперь слышали отъ нея здравыхъ и умныхъ рѣчей.

Весь дворъ пришелъ въ невообразимую радость. Только одна младшая сестра была не совсѣмъ довольна, потому-что, потерявъ свое

G. Doré
PANNEMAKER

прежнее преимущество надъ сестрою, она теперь казалась въ сравненіи съ нею ни чѣмъ инымъ какъ безобразной мартышкой.

Король сталъ обращаться къ принцессѣ за совѣтомъ и даже рѣшалъ иногда въ ея комнатѣ государственныя дѣла.

Слухъ объ этой перемѣнѣ распространился повсюду. Изо всѣхъ сосѣднихъ королевствъ стали съѣзжаться молодые принцы, усиливаясь понравиться принцессѣ и добиваясь ея руки. — Но она не находила ихъ достаточно умными и выслушивала предложенія, ни кому не давая слова.

Наконецъ явился женихъ такой могущественный, такой богатый, такой умный и такой стройный, что принцесса почувствовала къ нему склонность.

Замѣтивъ это, король сказалъ, что предоставляетъ выборъ супруга на ея волю, и что какъ она рѣшитъ, такъ тому и быть.

Извѣстно, что чѣмъ человѣкъ умнѣе, тѣмъ ему, въ этихъ брачныхъ дѣлахъ, труднѣе принять какое нибудь рѣшеніе. Поэтому принцесса, поблагодаривъ отца, просила дать ей время подумать.

Потомъ она пошла прогуляться и, попавъ нечаянно въ тотъ самый лѣсокъ, гдѣ свела съ Хохликомъ знакомство, принялась раздумывать на свободѣ, что̀ ей дѣлать.

Гуляетъ она, думаетъ свою думу . . . только вдругъ слышитъ подъ ногами глухой шумъ, точно подъ землею ходятъ, бѣгаютъ, справляютъ какое-то дѣло.

Прислушалась она внимательнѣе, и слышитъ: одинъ кричитъ: — „Подай мнѣ котелъ,“ а другой: — „Подложи въ огонь дровъ“ . . .

Въ ту же самую минуту земля разверзлась, и она увидѣла у себя подъ ногами какъ-бы большую кухню, полную поваровъ, поваренковъ и всякаго люда, какой только нуженъ для приготовленія роскошнаго пира. Толпа человѣкъ въ двадцать или въ тридцать выскочила оттуда,

пошла въ одну изъ ближайшихъ аллей, усѣлась вокругъ длиннаго стола и, съ кухонными ножами въ рукахъ, съ поварскими колпаками на бекрень, давай рубить въ тактъ мясо, напѣвая веселую пѣсню.

Принцесса, удивленная этимъ зрѣлищемъ, спросила ихъ, для кого они подняли такую возню?

— Для принца-Хохлика, сударыня, отвѣчалъ старшій промежъ ними: — завтра онъ празднуетъ свою свадьбу.

Принцесса удивилась еще больше, и вспомнивъ вдругъ, что ровно годъ назадъ, день въ день, она обѣщала выйти за Хохлика замужъ — чуть было не свалилась съ ногъ. — А забыла она про все это потому, что когда давала обѣщаніе, тогда была дурой, получивъ же отъ принца умъ, запамятовала всѣ свои глупости.

Не прошла она и тридцати шаговъ, продолжая прогулку, какъ явился передъ нею самъ Хохликъ, веселый и бравый, разодѣтый какъ слѣдуетъ жениху.

— Вы изволите видѣть, сударыня, сказалъ онъ: — что я свято держу свое слово. Не сомнѣваюсь, что и вы также пришли сюда, чтобы сдержать свое и, отдавъ мнѣ вашу руку, сдѣлать меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

— Признаться вамъ откровенно, отвѣчала принцесса: — я еще не приняла на этотъ счетъ никакого рѣшенія, да кажется никогда и не прійму такого рѣшенія, какое вамъ было бы желательно.

— Вы меня удивляете, сударыня! вскричалъ Хохликъ.

— Вѣрю, отвѣчала принцесса. — И безъ сомнѣнія, имѣй я дѣло съ нахаломъ или съ дуракомъ, я находилась бы въ очень затруднительномъ положеніи. Онъ сказалъ бы мнѣ, что принцесса должна держать свое слово, и что такъ какъ я слово дала, то и выйти за него должна. Но какъ я говорю съ самымъ умнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ, то увѣрена, что онъ прійметъ мои резоны. — Вамъ извѣстно, что я

не рѣшалась выйти за васъ даже тогда, когда была набитой дурой. Какъ же вы хотите, чтобы получивъ отъ васъ умъ, сдѣлавшій меня еще разборчивѣе прежняго, я приняла теперь рѣшеніе, котораго избѣгала прежде? — Если вы такъ дорожите этою женитьбою, вы напрасно избавили меня отъ глупости и открыли мнѣ глаза.

— Еслибы даже дураку — отвѣчалъ Хохликъ — было позволительно, какъ вы сейчасъ изволили замѣтить, попрекнуть васъ измѣной, то какъ же вы хотите, сударыня, чтобъ я удержался отъ упрековъ, когда дѣло идетъ о счастьи всей моей жизни? — Справедливо ли требовать, чтобъ умные люди терпѣли больше дураковъ? — Можете ли вы утверждать это, вы, особа умная и столь желавшая поумнѣть? — Но приступимъ, если позволите, къ дѣлу. — Помимо моего безобразія, имѣете ли вы еще что̀ другое противъ моей персоны? — Находите вы мой родъ худымъ, или мой умъ, или мой нравъ, или мои манеры васъ не удовлетворяютъ?

— Нисколько, отвѣчала принцесса: — мнѣ, напротивъ, нравится въ васъ все, что вы сейчасъ пересчитали.

— Если такъ, продолжалъ Хохликъ: — я буду счастливъ, ибо вы можете сдѣлать меня красивѣйшимъ изъ смертныхъ.

— Какимъ это образомъ? спросила принцесса.

— Очень просто, отвѣчалъ Хохликъ. — Это сбудется, сто̀итъ только полюбить меня и пожелать, чтобъ это сбылось. — А чтобы вы, сударыня, не сомнѣвались въ моихъ словахъ, знайте, что та самая волшебница, которая, въ день моего рожденія, дозволила мнѣ сообщить свой умъ тому , кого я крѣпко полюблю, эта самая волшебница и вамъ разрѣшила сообщить вашу красоту тому, кого вы крѣпко полюбите и кому пожелаете оказать такую милость.

— Если такъ, сказала принцесса: — желаю всѣмъ сердцемъ, чтобъ вы были самымъ красивымъ и самымъ любезнымъ принцемъ

въ свѣтѣ, и сообщаю вамъ свою красоту насколько это отъ меня зависитъ.

Принцесса еще не договорила своихъ словъ, какъ Хохликъ показался ей самымъ красивымъ, самымъ стройнымъ и самымъ любезнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ.

Иные историки утверждаютъ, что не чародѣйство волшебницы, а любовь произвела это превращеніе. — Они говорятъ, что когда принцесса поразмыслила о постоянствѣ своего жениха, объ его скромности и обо всѣхъ его качествахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, то безобразіе его лица и уродливость его тѣла скрылись отъ ея глазъ. Горбъ показался ей осанкой важнаго человѣка, хромоту она нашла пріятной походкой, косые глаза превратились въ выразительныя очи, растерянный взглядъ пошелъ за признакъ сильной любовной страсти, и даже большой красный носъ явился ей въ воинственномъ, геройскомъ видѣ . . .

Такъ или иначе, но принцесса тутъ же обѣщала ему свою руку, если только онъ получитъ согласіе короля.

Король, свѣдавъ что дочь его очень уважаетъ Хохлика и зная принца съ хорошей стороны, съ удовольствіемъ согласился сдѣлать его своимъ зятемъ.

На другой же день сыграли свадьбу, — какъ Хохликъ это предвидѣлъ, и съ церемоніею, которую давно уже приготовили по его приказу.

Ослиная Кожа.

Жилъ-былъ однажды король столь сильный, столь любимый своими подданными, столь уважаемый сосѣдями и союзниками, что могъ считаться счастливѣйшимъ изъ государей. Счастье сопутствовало ему и въ выборѣ супруги, которой красота равнялась добродѣтели. Блаженная чета жила въ полномъ согласіи. Отъ ихъ цѣломудреннаго брака родилась дочь, столь богато одаренная прелестями, что они не сожалѣли о неимѣніи другихъ дѣтей.

Роскошь, вкусъ и изобиліе царствовали во дворцѣ короля; министры его были премудры и искусны, придворные — добродѣтельны и вѣрны; слуги — преданны и трудолюбивы; конюшни — обширны и полны самыхъ лучшихъ въ свѣтѣ лошадей, покрытыхъ богатѣйшими чапраками. — Но что всего болѣе удивляло и изумляло пріѣзжихъ, заходившихъ полюбоваться этими прекрасными конюшнями, такъ это то, что на самомъ видномъ мѣстѣ господинъ оселъ выставлялъ на показъ свои большія длинныя уши . . . — Не изъ каприза, а по основательной причинѣ отвелъ ему король почетное стойло: свойства этого рѣдкаго животнаго заслуживали это отличіе, ибо природа устроила его такимъ необыкновеннымъ образомъ, что каждое утро его

подстилка вмѣсто нечистоты покрывалась серебряною и золотою монетою, которую приходили собирать по его пробужденіи.

Но какъ случайности судьбы равно касаются королей и ихъ подданныхъ, и какъ къ счастью всегда примѣшивается бѣда, то небеснымъ попущеніемъ королева вдругъ заболѣла тяжкою болѣзнью, противъ которой самые ученые и искусные доктора не могли найти никакихъ средствъ. — Всѣ предались отчаянію.

Король, чувствительный и влюбленный (хоть и говорятъ, что бракъ загоняетъ любовь въ могилу), горевалъ безъ мѣры, по всѣмъ церквамъ произносилъ обѣты, предлагалъ свою жизнь на выкупъ жизни любезной подруги: но ни святые, ни волшебники ему не помогли.

Чувствуя приближеніе послѣдняго часа, королева и говоритъ своему супругу, который разливался слезами:

— Позвольте передъ смертью попросить васъ объ одномъ: если вамъ да вздумается жениться . . .

При этихъ словахъ король поднялъ жалобный крикъ, схватилъ женины руки, облилъ ихъ слезами, и сталъ завѣрять, что нечего и разсуждать о второмъ бракѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ онъ въ заключенье: — любезная королева, скорѣй я умру!

— Государство, возразила королева съ твердостью, которая умножила печаль этого монарха: — государство нуждается въ наслѣдникѣ престола и, видя, что я родила вамъ только одну дочь, должно требовать отъ васъ похожихъ на васъ сыновъ. Но молю васъ именемъ вашей ко мнѣ любви, въ такомъ только случаѣ уступить желанію вашихъ подданныхъ, если вы пріищете принцессу стройнѣе меня и милѣе. — Дайте клятву, и тогда я умру спокойно.

Полагаютъ, что королева, у которой не было недостатка въ

самолюбіи, требовала такую клятву, думая, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ равной ей особы и разсчитывая, что такимъ образомъ королю не придется вступить во второй бракъ.

Наконецъ она скончалась. — Ни одинъ мужъ не поднималъ еще такой кутерьмы: король плакалъ, рыдалъ, жаловался на свою долю; только и зналъ, что убивался и день, и ночь.

Большое горе продолжается не долго. — Къ тому же собрались первыя особы королевства и гурьбой явились къ королю просить, чтобъ онъ сочетался вторымъ бракомъ. — Это предложеніе показалось ему жестокимъ и вызвало у него новыя слезы. — Онъ сослался на свою клятву и, думая отдѣлаться, пригласилъ своихъ министровъ пріискать ему принцессу, которая была бы стройнѣе и милѣе покойницы жены.

Но министры обозвали клятву пустяками и возразили, что дѣло не въ красотѣ, а въ томъ, чтобы королева была добродѣтельна и плодородна; что для спокойствія государства нуженъ наслѣдникъ; что, конечно, инфанта обладаетъ всѣми качествами великой монархини, но что ей придется выйти замужъ за чужеродца; что этотъ чужеродецъ или увезетъ ее въ свое царство, или, если сядетъ съ нею на здѣшній престолъ, наплодитъ дѣтей чужой крови; и что при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ сосѣдніе народы могутъ пойти на королевство войною, которая приведетъ его къ разоренію.

Пораженный этими резонами, король обѣщалъ подумать. — И точно, онъ сталъ искать промежъ молодыхъ принцессъ подходящую невѣсту. Всякій день ему приносили прекрасивѣйшіе портреты, но ни одинъ изъ нихъ не могъ сравняться съ покойницей-королевой: такъ онъ и не принималъ никакого рѣшенія.

Къ несчастью, хоть и былъ онъ большаго ума, но вдругъ рехнулся: находя, что дочь его инфанта превосходитъ свою мать и прелестями, и душою, взялъ да и объявилъ, что намѣренъ на ней

жениться, такъ-какъ съ нею одной онъ въ состоянiи сдержать свою клятву.

Молодая принцесса, какъ дѣвица добродѣтельная и стыдливая, чуть не упала въ обморокъ отъ такого ужаснаго предложенiя. — Она бросилась къ ногамъ короля и всячески заклинала его не приневоливать ее къ совершенiю преступленiя.

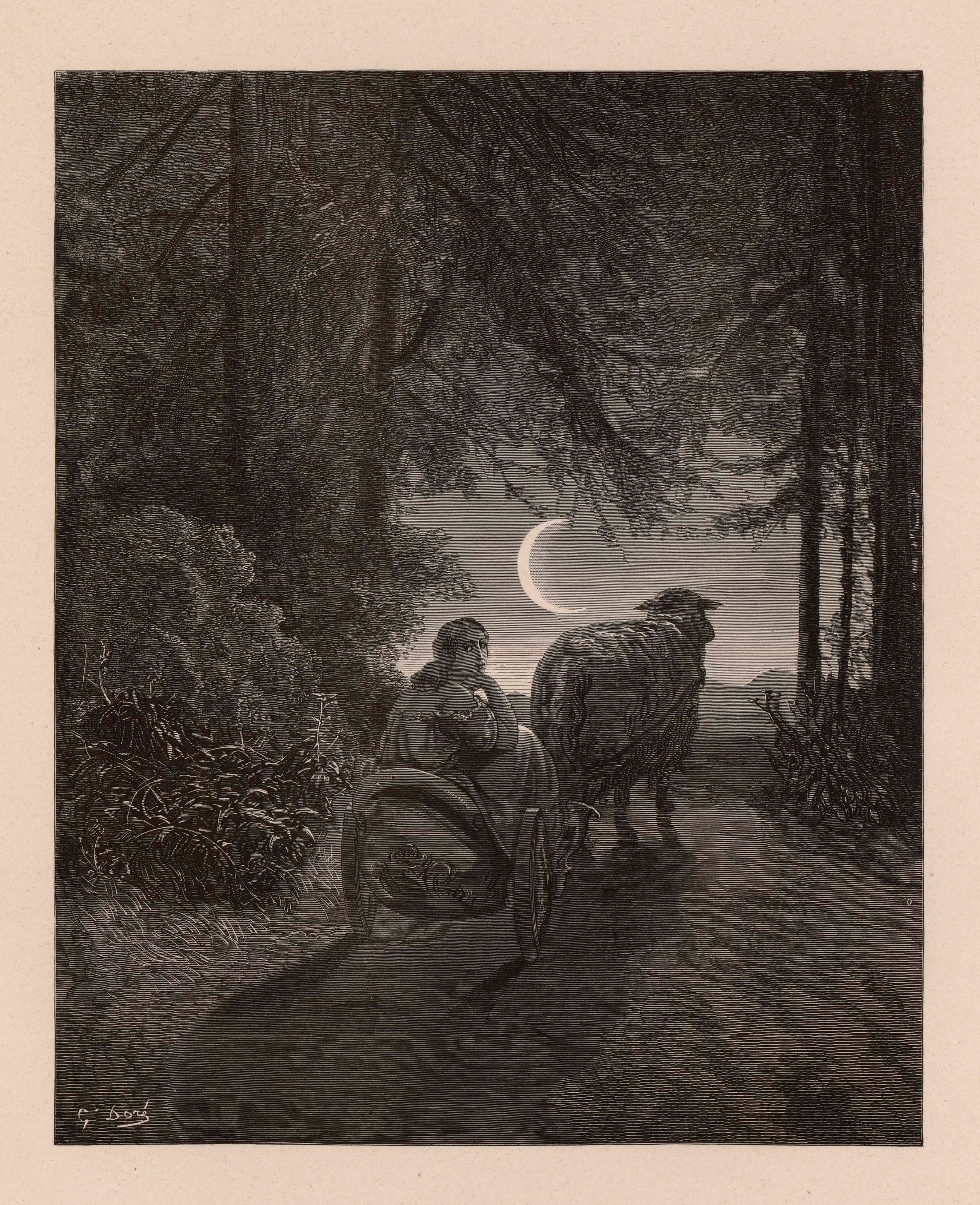
Король, который крѣпко вбилъ себѣ въ голову свое странное намѣренiе, и чтобъ успокоить совѣсть принцессы, потребовалъ совѣта одного стараго жреца. — Этотъ жрецъ, не столько набожный, сколько честолюбивый, принесъ невинность и добродѣтель въ жертву своему желанiю быть наперсникомъ короля, и такъ ловко вкрался въ королевскую довѣренность, такъ искусно смягчилъ замышленное имъ преступленiе, что даже увѣрилъ его, будто бы жениться на дочери есть богоугодное дѣло.

Польщенный рѣчами этого злодѣя, король обнялъ его и еще сильнѣе утвердился въ своемъ намѣренiи. — Поэтому онъ приказалъ инфантѣ быть готовою исполнить его желанiе.

Молодая принцесса, проникнутая глубокою горестью, не придумала другаго исхода, какъ съѣздить къ Сирень-волшебницѣ, своей крестной. Въ ту же ночь она отправилась, въ красивомъ кабрiолетѣ, запряженномъ большимъ бараномъ, который зналъ всѣ дороги. Она прибыла благополучно.

Волшебница, обожавшая инфанту, сказала, что ей уже все извѣстно, но что нѣтъ надобности безпокоиться, ибо ничего не случится дурнаго, если только принцесса въ точности исполнитъ то, что̀ она прикажетъ.

— Потому что, моя милая, прибавила она: — выйти за отца замужъ было бы большимъ грѣхомъ. — Но ты можешь избѣжать этой бѣды, не переча батюшкѣ. Скажи ему, что тебѣ пришла фантазiя носить

G. Doré

платье такого цвѣта, какъ небосклонъ: со всѣмъ своимъ могуществомъ онъ тебѣ такого платья никогда не достанетъ.

Принцесса поблагодарила крестную и на другое же утро сказала королю то̀, что ей волшебница присовѣтовала, прибавивъ, что до тѣхъ поръ не дастъ своего согласія, пока не получитъ платья такого цвѣта, какъ небосклонъ.

Король, ободренный надеждою, созвалъ самыхъ лучшихъ мастеровъ и заказалъ имъ платье, съ условіемъ, что если они не сумѣютъ угодить, то онъ всѣхъ ихъ прикажетъ повѣсить. — Однако до такой крайности не дошло. — На другой же день они принесли требуемый нарядъ, — и въ сравненіи съ нимъ самъ голубой небесный сводъ, опоясанный золотистыми облаками, показался менѣе прекрасенъ.

Инфанта совсѣмъ затосковала, не зная какъ выпутаться изъ бѣды. — Король торопилъ свадьбою. — Пришлось опять прибѣгнуть къ крестной, которая, въ изумленіи, что совѣтъ ея не удался, приказала попросить платье такого цвѣта, какъ мѣсяцъ.

Король, не смѣвшій дать отказъ, послалъ за самыми искусными мастерами, и съ такимъ грознымъ видомъ заказалъ имъ платье такого цвѣта, какъ мѣсяцъ, что между заказомъ и исполненіемъ не прошло и сутокъ. — Инфантѣ платье нравилось больше, чѣмъ ухаживанья отца, и, оставшись наединѣ съ кормилицею и дѣвушками, она предалась безмѣрной печали.

Сирень-волшебница была всезнайка. Она явилась на помощь горюющей принцессѣ, и сказала:

— Или я очень ошибаюсь, или потребовавъ платье такого цвѣта какъ солнце, намъ удастся привести твоего батюшку, короля, въ затрудненіе: ибо онъ тебѣ такого платья никогда не достанетъ. — А не то, такъ мы все-таки выиграемъ время.

Инфанта согласилась съ этимъ и потребовала платье. — Влюб-

ленный король не колеблясь отдалъ всѣ свои брильянты и рубины въ подмогу такому удивительному дѣлу, наказавъ ничего не лишьбы, чтобы платье сравнялось съ солнцемъ. — За то какъ принесли его да развернули, такъ всѣ принуждены были зажмурить глаза, та̀къ оно ихъ ослѣпило. — Съ этой-то поры и стали носить глазные зонтики и синіе очки.

Каково было положеніе инфанты при этомъ зрѣлищѣ! — Никогда еще свѣтъ не производилъ ничего подобнаго. — Принцесса стала въ тупикъ, и подъ предлогомъ, что отъ сильнаго блеска у ней глаза разболѣлись, ушла въ свою комнату, гдѣ ожидала ее волшебница, переконфуженная до-нѐльзя. — Увидавъ платье, крестная покраснѣла отъ досады.

— Ну, ужъ теперь, душа моя, — сказала она инфантѣ: — мы придумаемъ такое испытаніе, котораго гнусная страсть твоего батюшки не пересилитъ. — Онъ вбилъ себѣ въ голову эту женитьбу и считаетъ ее близкою, но его немножко ошеломитъ то, что̀ я тебѣ сейчасъ присовѣтую. — Попроси ты у него кожу его любимаго осла, что̀ такъ щедро доставляетъ ему деньги на всѣ издержки. — Ступай, да смотри не забудь попросить ослиную кожу.

Инфанта, радуясь, что нашлось еще одно средство увернуться отъ ненавистнаго замужества, и предполагая, что отецъ ни за что не рѣшится пожертвовать своимъ осломъ, пошла къ королю и выразила свои виды на кожу этого рѣдкаго животнаго.

Хотя король удивился такому капризу, но не колебался его исполнить. — Бѣднаго осла убили, а кожу его торжественно принесли инфантѣ, которая, не видя болѣе никакого средства избѣжать напасти, готовилась предаться отчаянію, какъ въ комнату вбѣжала ея крестная.

— Полно, милая, полно! сказала она, видя, что принцесса рветъ на себѣ волосы и бьетъ себя по щекамъ. — Настала самая счастливая минута твоей жизни. — Завернись въ эту кожу, уходи изъ дворца,

PISAN

и иди, пока тебя несетъ земля: Богъ не оставляетъ добродѣтели. Ступай. — Я устрою, чтобы твой гардеробъ повсюду слѣдовалъ за тобои. Куда бы ты ни пошла, сундукъ съ платьями и дорогими вещами будетъ идти подъ землей за тобою. — Вотъ тебѣ моя палочка: когда понадобится сундукъ, ударь палочкою по землѣ, и онъ явится передъ твоими глазами. — Но уходи скорѣе, не медли.

Инфанта расцѣловала крестную, попросила не покидать ея, напялила на себя мерзкую кожу, вымазалась сажей изъ трубы, и неузнанная никѣмъ покинула роскошный дворецъ.

Отсутствіе инфанты произвело большую тревогу. — Король, уже сдѣлавшій приготовленія къ пиру, пришелъ въ отчаяніе и былъ неутѣшенъ. — Онъ разослалъ во всѣ стороны за дочерью больше ста жандармовъ и около тысячи полицейскихъ мушкетеровъ; но помогавшая принцессѣ волшебница сдѣлала ее невидимою для самыхъ зоркихъ глазъ. — Пришлось отказаться отъ напрасной погони.

А инфанта между тѣмъ шла путемъ-дорогою. — Зашла она далеко, далеко, еще дальше, и вездѣ искала себѣ мѣста. Но хотя вездѣ ей подавали Христа-ради на кормъ, однако находили ее такою грязною, что никто не хотѣлъ принимать ее къ себѣ въ домъ.

Наконецъ попала она въ большой городъ. У входа стоялъ хуторъ, и хозяйка его нуждалась въ дѣвчонкѣ, чтобы мыть тряпки, смотрѣть за индюшками и чистить свиныя корыта. — Увидавъ такую грязную прохожую, эта женщина предложила ей наняться, на что инфанта согласилась съ большимъ удовольствіемъ, такъ ее ходьба заморила.

Ее помѣстили въ уголку на кухнѣ, гдѣ она съ перваго же дня подверглась грубымъ насмѣшкамъ прислуги, потому что въ ослиной кожѣ она казалась отвратительно грязною. — Однако понемногу къ ней попривыкли; а какъ она была усердна и работяща, то хозяйка взяла ее подъ свое покровительство.

Инфанта пасла овецъ и загоняла ихъ въ загороди, какъ-разъ когда было нужно; смотрѣла въ полѣ за индюшками такъ хорошо, какъ будто всю жизнь ничѣмъ другимъ и не занималась; въ ея рукахъ спорилась всякая работа.

Вотъ однажды сидитъ она на берегу чистаго ручья, гдѣ часто плакалась на свою горькую долю, и вздумалось ей посмотрѣться въ воду. — Противная ослиная кожа, которая служила ей и платьемъ, и головнымъ уборомъ, привела ее въ ужасъ. — Инфанта застыдилась такого костюма, взяла и умылась. — Сейчасъ лице ея и руки стали бѣлѣй слоновый кости, на щечкахъ заигралъ румянецъ. — Въ радости отъ своей красоты, она захотѣла выкупаться, что̀ и исполнила тутъ же. Но возвращаясь на хуторъ, пришлось опять надѣть проклятую ослиную кожу. — Къ счастью на другой день былъ праздникъ; инфанта удосужилась вызвать изъ земли свой сундукъ, приготовить туалетъ, напудрить волосы и нарядиться въ свое платье такого цвѣта, какъ небосклонъ. — Каморка ея была такая маленькая, что негдѣ было повернуться со шлейфомъ. — Прекрасная принцесса посмотрѣлась въ зеркало, полюбовалась собою (она имѣла на это право) и до того сама себѣ понравилась, что рѣшилась наряжаться отъ скуки, по праздникамъ и воскресеньямъ, одно за другимъ, во всѣ свои платья. — Что̀ и привела съ точностью въ исполненье.

Она съ удивительнымъ искусствомъ вплетала въ свои чудесные волосы цвѣты и бриліянты, и часто вздыхала о томъ, что нѣтъ ея красотѣ иныхъ свидѣтелей, кромѣ овецъ да индюшекъ, которыя любили ее и въ этой негодной ослиной кожѣ. — А по кожѣ инфантѣ на хуторѣ и прозванье дали.

Въ одинъ праздничный день, когда Ослиная Кожа нарядилась въ свое платье такого цвѣта какъ солнце, королевскій сынъ, которому принадлежалъ хуторъ, заѣхалъ въ него отдохнуть съ охоты.

A PISAN

Принцъ былъ молодъ, красивъ и хорошо сложенъ, былъ любимъ отцомъ и матерью и обожаемъ народомъ. — Ему поднесли деревенское угощенье. — Принцъ откушалъ, потомъ принялся осматривать всѣ дворы и задворья.

Переходя такимъ образомъ съ одного мѣста въ другое, онъ зашелъ въ темный корридоръ, въ концѣ котораго замѣтилъ закрытую дверь. — Изъ любопытства, принцъ приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ. — Но что̀ сталось съ нимъ, когда онъ увидѣлъ внутри такую прекрасную и разодѣтую инфанту, что, по осанкѣ, ее слѣдовало принять за богиню. — Отъ пылкости овладѣвшаго имъ въ эту минуту чувства онъ готовъ былъ вышибить дверь, еслибы не удержало его почтеніе къ такой восхитительной особѣ.

Онъ на силу разстался съ темнымъ корридоромъ, и то лишь для того, чтобы разузнать, какая это живетъ въ каморкѣ особа. Ему отвѣчали, что живетъ тамъ дѣвчонка, Ослиная Кожа, названная такъ по кожѣ, которую она носитъ, и до того грязная, до того засаленная, что никто не хочетъ ни смотрѣть на нее, ни говорить съ нею, — и что взяли эту дѣвчонку изъ милости, для присмотра за индюшками да за баранами.

Принцъ не удовлетворился этимъ объясненіемъ, однако понялъ, что невѣжды-хуторяне ничего больше не знаютъ, и что разспрашивать ихъ — только терять время. — Онъ возвратился въ королевскій дворецъ влюбленный такъ, что и пересказать нельзя, и постоянно имѣлъ передъ глазами прекрасный образъ божества, которое подмѣтилъ въ замочную скважину. Онъ жалѣлъ, что не постучался въ двери, и далъ себѣ слово въ другой разъ непремѣнно это сдѣлать.

Но волненіе крови, произведенное любовнымъ жаромъ, въ ту же ночь обратилось въ такую ужасную горячку, что скоро онъ очутился при послѣднемъ издыханіи. Королева, его мать, не имѣвшая другихъ дѣтей, приходила въ отчаяніе, видя, что никакія лекарства

не помогаютъ. Напрасно она сулила докторамъ большія награды: они прилагали все свое искусство, но принцъ не получалъ облегченія.

Наконецъ они догадались, что эту болѣзнь причиняетъ потаенное смертельное горе. Они увѣдомили объ этомъ королеву, которая, нѣжно любя сына, стала заклинать его открыться, говоря, что еслибы даже пришлось уступить ему корону, король безъ сожалѣнія сойдетъ съ престола и посадитъ его на свое мѣсто; что если онъ любитъ какую-нибудь принцессу — то родители его согласятся на всевозможныя уступки, чтобы только доставить ему желанную особу; но что она молитъ принца не предаваться смерти, ибо ея жизнь зависитъ отъ его существованія.

При произнесеніи этой трогательной рѣчи, разогорченная королева пролила на лице принца потоки слезъ.

— Сударыня, наконецъ отвѣчалъ ей принцъ очень слабымъ голосомъ: — я не такой злодѣй, чтобы желать батюшкина престола: да пошлетъ ему небо долгіе дни и да пребуду я, въ теченіе еще многихъ лѣтъ, вѣрнѣйшимъ и почтительнѣйшимъ его слугою. Что̀ до принцессъ, которыхъ вы изволите мнѣ предлагать, я еще не намѣреваюсь жениться. Знайте, что какъ я доселѣ всегда былъ покоренъ вашей волѣ, такъ и впередъ готовъ вамъ повиноваться, какихъ бы мнѣ это ни сто̀ило жертвъ.

— Ахъ, сынъ мой, начала опять королева: — мы готовы на всѣ жертвы, чтобы спасти твою жизнь. Но, сынъ мой любезный, спаси мое и батюшкино здоровье, объяви, чего ты желаешь, и вѣрь, что твое желаніе будетъ исполнено.

— Ужъ если, сударыня, отвѣчалъ онъ: — ужъ если нужно открыть вамъ мою мысль, повинуюсь: ибо съ моей стороны было бы величайшимъ преступленіемъ подвергнуть опасности жизнь двухъ драгоцѣнныхъ мнѣ существъ. — Да, моя мать! я желаю, чтобъ

Ослиная Кожа изготовила мнѣ пирогъ, и когда онъ будетъ готовъ, чтобъ она мнѣ его принесла.

Королева, удивленная этимъ страннымъ именемъ, спросила ктò такой эта Ослиная Кожа.

— Это, сударыня, объяснилъ одинъ изъ придворныхъ, которому случайно привелось видѣть инфанту: — это самое гнусное животное послѣ волка: чернокожая грязнушка, которая живетъ на вашемъ хуторѣ и смотритъ за вашими индюшками.

— Ничего, ничего, отвѣчала королева: — можетъ быть сынокъ, возвращаясь съ охоты, отвѣдалъ ея печенья. Это капризъ больнаго. Словомъ, если ужъ пошло на Ослиную Кожу, то я приказываю, чтобъ Ослиная Кожа живо изготовила ему пирожокъ.

Побѣжали на хуторъ, призвали Ослиную Кожу и приказали ей спечь какъ-можно лучше пирогъ для принца.

Нѣкоторые писатели увѣряютъ, что въ ту минуту, когда принцъ приложилъ глазокъ къ замочной скважинѣ, Ослиная Кожа его замѣтила; что потомъ она видѣла изъ окна этого молодаго, красиваго, стройнаго принца; что образъ его заронился ей въ сердце, и что это воспоминаніе стòило ей частыхъ вздоховъ.

Такъ или иначе, сама ли видала его Ослиная Кожа, или лишь слышала похвалы ему отъ другихъ, только она обрадовалась случаю сдѣлаться извѣстною принцу, заперлась въ свою каморку, сбросила негодную кожу, умыла лице и руки, причесала свои бѣлокурые волосы, надѣла корсажъ изъ блестящей серебряной матеріи, такую же юпку, и принялась готовить столь желаемый пирогъ. — Муку она взяла самаго высшаго сорта, и самыя свѣжія масло и яйца. — Замѣшивая тѣсто, нарочно ли или какъ-тамъ иначе, только съ пальца она сронила кольцо, которое упало въ тѣсто, да тамъ и осталось. А когда пирогъ поспѣлъ, напяливъ опять свою гнусную кожу, она

подала пирогъ придворному офицеру и спросила его о здоровьѣ принца. — Но этотъ человѣкъ не удостоилъ ея отвѣтомъ и побѣжалъ съ пирогомъ къ принцу.

Принцъ жадно выхватилъ его изъ рукъ этого человѣка и сталъ поѣдать его такъ поспѣшно, что присутствовавшіе при этомъ доктора не упустили замѣтить, какъ мало хорошаго эта стремительность предвѣщаетъ. И точно, принцъ чуть не подавился кольцомъ, которое попалось ему въ одномъ изъ кусковъ. Но онъ ловко вынулъ его изо рта, и послѣ того началъ кушать пирогъ уже съ меньшею горячностью, ибо все разсматривалъ колечко, золотое со смарагдомъ, и такое маленькое, что могло прійтись въ-пору только самому хорошенькому пальчику въ свѣтѣ.

Онъ расцѣловалъ колечко, сунулъ его подъ подушку и безпрестанно вынималъ оттуда, когда полагалъ, что никто его не видитъ. Придумывалъ онъ, какъ бы увидать ту, которой колечко прійдется на пальчикъ; но не смѣлъ просить, чтобы позвали Ослиную Кожу, которая испекла пирогъ, ибо боялся, что не получитъ на это согласія; не смѣлъ также разсказать подсмотрѣнное имъ въ замочную скважину, ибо боялся, что станутъ надъ нимъ смѣяться и примутъ его за фантазёра... Всѣ эти мысли безпокоили его разомъ, такъ-что опять схватила его горячка, и доктора, не зная ужъ что̀ и придумать, объявили королевѣ: принцъ-де болѣетъ любовью. — Королева прибѣжала къ сыну вмѣстѣ съ королемъ, который сильно убивался.

— Сынъ мой, сынъ мой любезный! вскричалъ опечаленный монархъ: — укажи намъ кого хочешь: клянемся, что предоставимъ ее тебѣ, будь она даже самая презрѣнная раба.

Королева, обнимая его, подтвердила клятву короля. — Принцъ, растроганный слезами и ласками виновниковъ дней своихъ, и говоритъ имъ:

— Батюшка и вы, матушка! я отнюдь не имѣю намѣренія заключить какой нибудь неугодный вамъ бракъ. И въ доказательство этихъ словъ, продолжалъ онъ, вынимая изъ подъ подушки колечко: — я женюсь на той, на чей пальчикъ придется это колечко, — кто бы такая она ни была. Но нѣтъ вѣроятія, чтобы дѣвушка съ такимъ хорошенькимъ пальчикомъ была неотесанная мужичка.

Король съ королевой взяли колечко, оглядѣли его съ любопытствомъ и подобно принцу заключили, что такое колечко можетъ придтись на пальчикъ только дѣвушкѣ хорошаго дома. Тогда король, обнявъ сына и заклиная его выздоравливать поскорѣе, вышелъ изъ комнаты и приказалъ ударить по всему городу въ барабаны и заиграть на дудкахъ и на трубахъ, а герольдамъ кричать, чтобы собирались дѣвушки во дворецъ примѣривать колечко, и что которой колечко придется, та за наслѣдника замужъ выйдетъ.

Сперва пришли принцессы, потомъ герцогини, маркизы и баронессы, но сколько они пальцами ни крутили, ни одна кольца не надѣла. Пришлось взяться за швеекъ; онѣ были всѣ хорошенькія, но пальцы не подходили: толсты. — Принцъ чувствовалъ себя лучше и самъ присутствовалъ на испытаньяхъ. — Наконецъ дошло дѣло до горничныхъ: ихъ тоже постигла неудача. Всѣ уже перепробовали кольцо, когда принцъ потребовалъ кухарокъ, судомоекъ, свинопасокъ. И тѣхъ привели, но ихъ толстые, красные, короткіе пальцы не лѣзли въ колечко дальше ногтя.

— А приводили эту Ослиную Кожу, что̀ на дняхъ пекла мнѣ пирогъ? говоритъ принцъ.

Всѣ захохотали и отвѣчали, что нѣтъ, потому что она такая запачканная грязнушка.

— Сію минуту послать за нею! сказалъ король. — Да будетъ извѣстно, что я никого не отметаю.

Придворные со смѣхомъ и насмѣшками побѣжали за дѣвчонкой.

Инфанта, которая слышала бой барабановъ и крики герольдовъ, догадалась, что это ея колечко подняло всю суматоху. Она любила принца, — и какъ истинная любовь боязлива и не знаетъ гордыни, то инфанта все опасалась, чтобъ у какой нибудь дамы не оказался такой же маленькій пальчикъ. Поэтому она очень обрадовалась, когда пришли за нею и постучали въ дверь. — Съ тѣхъ поръ какъ она узнала, что къ ея колечку подбираютъ пальчикъ, смутная надежда побудила ее причесываться получше и рядиться въ корсажъ изъ серебряной матеріи со сборчатою юпкою, украшенною серебряными кружевами и смарагдами. Какъ только она услыхала, что стучатся въ дверь и зовутъ ее къ принцу, она сейчасъ надѣла свою ослиную кожу, потомъ отворила. Посланные съ насмѣшками объявили, что король требуетъ ее, чтобы выдать за своего сына; потомъ съ хохотомъ повели ее къ принцу, который и самъ изумился костюму этой дѣвушки и не смѣлъ полагать, что её-то онъ и видѣлъ такою красавицею и въ такомъ роскошномъ уборѣ.

— Вы это, говоритъ онъ: — живете въ концѣ темнаго корридора, на третьемъ скотномъ дворѣ?

— Я, сударь! отвѣчаетъ она.

— Покажите руку, продолжаетъ принцъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и испуская глубокій вздохъ.

Но каково же было изумленіе короля съ королевою, гофмаршаловъ и царедворцевъ, когда изъ подъ этой черной, запачканной кожи высунулась маленькая нѣжная ручка, бѣленькая, съ розовыми ноготками, и когда кольцо безъ труда скользнуло на самый хорошенькій пальчикъ въ свѣтѣ. — Легкимъ движеніемъ инфанта сбросила съ себя кожу и явилась въ такой восхитительной красотѣ, что принцъ, несмотря на свою слабость, бросился къ ея ногамъ и обнялъ ея колѣни

G. Doré
HEBERT SC.

съ горячностью, отъ которой она вся зардѣлась. Но никто этого не замѣтилъ, потому что король съ королевою также бросились обнимать ее изо всѣхъ силъ, спрашивая, желаетъ ли она выйти за ихъ сына.

Принцесса, смущенная этими ласками и любовью, которую показывалъ къ ней молодой красавецъ-принцъ, собиралась выразить свою благодарность, какъ вдругъ потолокъ раскрывается и въ гостинную, на колесницѣ изъ сиреневыхъ цвѣтовъ и вѣтокъ (отъ которыхъ она и получила свое имя), спускается волшебница Сирень и безподобнымъ манеромъ разсказываетъ исторію инфанты. — Король съ королевой, въ восторгѣ, что Ослиная Кожа оказывается знатной принцессой, удвоили свои ласки; но принца больше всего поразила добродѣтель принцессы, и любовь его отъ этого усилилась еще больше.

Принцъ такъ нетерпѣливо желалъ обвѣнчаться съ принцессой, что едва далъ время сдѣлать приличныя такому высокому браку приготовленія. Король съ королевой были безъ ума отъ невѣстки, расточали ей милліоны ласокъ и цѣлый день держали ее въ своихъ объятіяхъ. — Она объявила, что не можетъ выйти за принца безъ согласія короля своего батюшки; къ нему къ первому и послали пригласительный билетъ, не открывая имени невѣсты. Такъ посовѣтовала волшебница Сирень (которая, понятно, всѣмъ распоряжалась): она имѣла на то свои причины.

Съѣхались короли изо всѣхъ странъ: одни на носилкахъ, другіе въ кабріолетѣ; самые дальніе на слонахъ, на тиграхъ, на орлахъ. Но самымъ великолѣпнымъ и самымъ могущественнымъ явился отецъ инфанты, который къ счастью успѣлъ забыть свою порочную страсть и женился на очень красивой вдовѣ-королевѣ, отъ которой однакоже дѣтей не имѣлъ. Инфанта побѣжала ему навстрѣчу: онъ ее сейчасъ узналъ и съ большою нѣжностью обнялъ ее, прежде чѣмъ она успѣла броситься къ его ногамъ. Король съ королевой представили ему

своего сына, котораго онъ осыпалъ знаками своей дружбы. — Свадьбу сыграли съ роскошью, какую только можно себѣ представить. Молодые мало обращали вниманія на все это великолѣпіе; они только и знали, что смотрѣли другъ на дружку и только другъ-друга и видѣли.

Король, отецъ принца, въ этотъ же самый день короновалъ своего сына и, поцѣловавъ ему руку, посадилъ его на тронъ, несмотря на сопротивленіе этого благовоспитаннаго принца: дѣлать нечего, пришлось повиноваться. Свадебныя пиршества этого знаменитаго брака продолжались около трехъ мѣсяцевъ, а любовь двухъ молодыхъ супруговъ продолжалась бы и до сихъ поръ, еслибы они черезъ сто лѣтъ послѣ того не скончались.

G Doré
Baetzel

Волшебница.

Жила-была вдова, у которой были двѣ дочери: старшая до того на нее походила и лицомъ и нравомъ, что, какъ говорится, не развелъ бы ихъ. — Такъ онѣ были обѣ горды и непривѣтливы, что, кажется, никто бы не согласился жить съ ними. — Младшая, напротивъ, вышла въ отца кротостью и вѣжливостью, да и сверхъ того красавица она была необыкновенная. Всякому человѣку нравится то, что на него походитъ; — мать была безъ ума отъ старшей дочери — а къ младшей чувствовала отвращеніе неодолимое. Она заставляла ее работать съ утра до вечера и не позволяла ей обѣдать за столомъ, а отсылала ее въ кухню.

Два раза въ день бѣдняжка должна была ходить по̀-воду, за три версты отъ дому — и приносить оттуда большой тяжелый кувшинъ, полный до̀-верху. Однажды, въ самое то время какъ она была у колодца, къ ней подошла нищая и попросила дать ей напиться. — „Изволь, голубушка,“ отвѣчала красавица, выполоскала кувшинъ, зачерпнула воды на самомъ чистомъ мѣстѣ источника и подала ей, — а сама поддерживала кувшинъ рукою, чтобъ старушкѣ ловчѣе было пить. — Старушка отпила воды, да и говоритъ: — „Ты такая

красавица, и такая притомъ добрая и вѣжливая, что я не могу не сдѣлать тебѣ подарка.“ (Старушка эта была волшебница, которая обернулась нищей съ тѣмъ, чтобы испытать добрый нравъ молодой дѣвушки). „И будетъ мой тебѣ подарокъ состоять въ томъ, что всякій разъ, какъ ты промолвишь слово, у тебя изо рта выпадетъ либо цвѣтокъ, либо драгоцѣнный камень.“

Красавица возвратилась домой, и мать пустилась ее бранить за то, что она такъ долго промѣшкала у колодца.

— Извини меня, матушка; я точно немного замѣшкалась, отвѣчала она, — и тутъ же выронила изо рта двѣ розы, два жемчуга и два большихъ алмаза.

— Что̀ я вижу! воскликнула старуха съ удивленіемъ: — у ней изо рта валятся жемчуги и алмазы! — Откуда тебѣ эта благодать пришла, дочь моя? (Она ее въ первый разъ отъ роду назвала дочерью).

Бѣдняжка чистосердечно все разсказала, на каждомъ словѣ роняя по алмазу.

— Вотъ какъ! возразила вдова. — Такъ я сейчасъ пошлю туда же мою дочь. — Поди сюда, Груша, посмотри, что̀ падаетъ изо рту у твоей сестры, когда она говоритъ! — Небось и ты бы желала имѣть такой же даръ? — Тебѣ сто̀итъ пойти по̀ воду къ источнику, и если нищая тебя попроситъ воды напиться, исполни ея просьбу со всею вѣжливостью да любезностью.

— Вотъ еще! возразила злюка: — такая я, чтобы по̀ воду ходить, какже!

— Я хочу, чтобы ты пошла по̀ воду! возразила мать: — и сію же минуту.

Она пошла, только все время ворчала. Она взяла съ собою самый красивый серебряный графинъ, какой только находился у нихъ

C. MAURAND
G. Doré

въ домѣ. — Не успѣла она приблизиться къ источнику, какъ увидала даму чрезвычайно богато одѣтую: эта дама вышла изъ лѣса, подошла къ ней и попросила дать ей напиться. — Это была таже самая волшебница, которая являлась ея сестрѣ, но на этотъ разъ она приняла на себя видъ и всю наружность принцессы съ тѣмъ, чтобъ испытать, до какой степени нравъ этой дѣвушки былъ дуренъ и непривѣтливъ.

— Развѣ я сюда пришла чтобы поить другихъ! съ грубостью отвѣчала гордячка: — ужъ не для тебя ли я принесла изъ дома этотъ серебряный графинъ? — Вишъ какая барыня! — Ты сама рукой зачерпни, коли такъ тебѣ пить хочется.

— Какая же ты невѣжа! отвѣчала волшебница спокойнымъ голосомъ, безо всякаго впрочемъ гнѣва. — Ну, коли ты такъ со мною поступила, и я же тебѣ сдѣлаю подарокъ — и будетъ онъ состоять въ томъ, что при каждомъ твоемъ словѣ у тебя изо рта выпадетъ змѣя или жаба.

Мать какъ только издали завидѣла свою Грушу, тотчасъ ей закричала:

— Ну что̀, дочка?

— Ну что̀, матка? отвѣчала та, — и у нея изо рта выскочило двѣ змѣи и двѣ жабы.

— О небо! воскликнула старуха: — что̀ я вижу! — Всему причиною сестра — это вѣрно . . . Ну такъ постой же! Я-жь ее!

Она бросилась бить бѣдняжку, свою вторую дочь, но та убѣжала и спряталась въ сосѣднемъ лѣсу. — Царскій сынъ, возвращаясь съ охоты, встрѣтилъ ее тамъ, и пораженный ея красотою, спросилъ ее, что̀ она дѣлаетъ одна въ лѣсу, и зачѣмъ плачетъ.

— Ахъ, сударь! отвѣчала она: — мать прогнала меня изъ дому, — и при этихъ словахъ у ней изо рта выпало нѣсколько жемчуговъ и алмазовъ.

Царскій сынъ удивился и тотчасъ спросилъ, что̀ это значитъ? — Она разсказала ему свое приключеніе. — Царскій сынъ тутъ же въ нее влюбился и сообразивъ, что такой даръ сто̀итъ всякаго приданаго, взялъ ее во дворецъ своего отца — и женился на ней.

А сестра ея до того себя довела, что всѣ ее возненавидѣли — и даже собственная мать ее прогнала; и несчастная, всѣми отверженная, умерла одна въ лѣсу, съ горя и съ голода.

Синяя Борода.

Жилъ-былъ однажды человѣкъ, за которымъ водилось множество всякаго добра: были у него прекрасные дома въ городѣ и за городомъ, золотая и серебряная посуда, шитыя кресла и позолоченныя кареты. Но къ несчастью борода у этого человѣка была синяя — и эта борода придавала ему такой безобразный и грозный видъ, что всѣ дѣвушки и женщины, бывало, какъ только завидятъ его, такъ давай Богъ поскорѣе ноги.

У одной изъ его сосѣдокъ, дамы происхожденія благороднаго, были двѣ дочери, красавицы совершенныя. — Онъ посватался за одну изъ нихъ, не назначая какую именно и предоставляя самой матери выбрать ему невѣсту. Но ни та, ни другая не соглашалась быть его женою: онѣ не могли рѣшиться выйти за человѣка, у котораго борода была синяя — и только перекорялись между собою, отсылая его другъ-дружкѣ. Ихъ смущало еще то обстоятельство, что онъ имѣлъ уже нѣсколько женъ, и никто на свѣтѣ не зналъ, что̀ съ ними сталось.

Синяя Борода, желая дать имъ возможность узнать его покороче, повезъ ихъ вмѣстѣ съ матерью, тремя-четырьмя самыми близкими

ихъ прiятельницами и нѣсколькими молодыми людьми изъ сосѣдства, въ одинъ изъ своихъ загородныхъ домовъ, гдѣ и провелъ съ ними цѣлую недѣлю. Гости гуляли, ѣздили на охоту, на рыбную ловлю; пляски и пиры не прекращались; сна по ночамъ и въ поминѣ не было; всякiй потѣшался, придумывалъ забавныя шалости и шутки; словомъ всѣмъ было такъ хорошо и весело, что младшая изъ дочерей скоро пришла къ тому убѣжденiю, что у хозяина борода ужь вовсе не такая синяя, и что онъ очень любезный и прiятный кавалеръ. — Какъ только всѣ вернулись въ городъ, свадьбу тотчасъ и сыграли.

По прошествiи мѣсяца, Синяя Борода сказалъ своей женѣ, что онъ принужденъ отлучиться, по меньшей мѣрѣ на шесть недѣль, для очень важнаго дѣла. Онъ попросилъ ее не скучать въ его отсутствiи, а напротивъ всячески стараться разсѣяться, пригласить своихъ прiятельницъ, повести ихъ за городъ, если вздумается — кушать и пить сладко — словомъ, жить въ свое удовольствiе.

— Вотъ, прибавилъ онъ: — ключи отъ двухъ главныхъ кладовыхъ; вотъ ключи отъ золотой и серебряной посуды, которая не каждый день на столъ ставится; вотъ — отъ сундуковъ съ деньгами; вотъ — отъ ящиковъ съ драгоцѣнными камнями; вотъ наконецъ ключъ, которымъ всѣ комнаты отпереть можно. А вотъ этотъ маленькiй ключикъ отпираетъ каморку, которая находится внизу, на самомъ концѣ главной галереи. Можешь все отпирать, всюду входить; но запрещаю тебѣ входить въ ту каморку. Запрещенiе мое на этотъ счетъ такое строгое и грозное, что если тебѣ случится — чего Боже сохрани — ее отпереть, то нѣтъ такой бѣды, которой ты бы не должна была ожидать отъ моего гнѣва.

Супруга Синей Бороды обѣщалась въ точности исполнить его приказанiя и наставленiя; а онъ, поцѣловавъ ее, сѣлъ въ карету — и пустился въ путь.

G. Doré

Сосѣдки и пріятельницы молодой не стали дожидаться приглашенія, а пришли всѣ сами, до того велико было ихъ нетерпѣніе увидать собственными глазами тѣ несмѣтныя богатства, какія по слухамъ находились въ ея домѣ. Онѣ боялись придти, пока мужъ не уѣхалъ: синяя его борода ихъ очень пугала. Онѣ тотчасъ отправились осматривать всѣ покои — и удивленію ихъ конца не было: такъ все имъ показалось великолѣпнымъ и красивымъ! Онѣ добрались до кладовыхъ — и чего чего онѣ тамъ не увидали! — Пышныя кровати, диваны, занавѣсы богатѣйшіе, столы, столики, зеркала такія огромныя, что съ головы до ногъ можно было въ нихъ себя видѣть — и съ такими чудесными, необыкновенными рамами! Однѣ рамы были тоже зеркальныя, другія изъ позолоченнаго рѣзнаго серебра. — Сосѣдки и пріятельницы безъ умолку восхваляли и превозносили счастье хозяйки дома, — а она нисколько не забавлялась зрѣлищемъ всѣхъ этихъ богатствъ: ее мучило желаніе отпереть каморку внизу, въ концѣ галереи.

Такъ сильно было ея любопытство, что не сообразивъ того, какъ невѣжливо оставлять гостей, она вдругъ бросилась внизъ по потаенной лѣстницѣ . . . . . чуть шеи себѣ не сломала. Прибѣжавъ къ дверямъ каморки, она однако остановилась на минутку. — Запрещеніе мужа пришло ей въ голову. — Ну, подумала она: — будетъ мнѣ бѣда за мое непослушаніе! Но соблазнъ былъ слишкомъ силенъ — она никакъ не могла съ нимъ сладить. Взяла ключъ — и, вся дрожа какъ листъ, отперла каморку.

Сперва она ничего не разобрала: въ каморкѣ было темно . . . . окна были закрыты. Но погодя немного, она увидѣла, что весь полъ былъ залитъ запекшейся кровью — и въ этой крови отражались тѣла нѣсколькихъ мертвыхъ женщинъ, привязанныхъ вдоль стѣнъ: то были прежнія жены Синей Бороды, которыхъ онъ зарѣзалъ одну за

одной. — Она чуть не умерла на мѣстѣ отъ страха, и выронила изъ руки ключъ.

Наконецъ она опомнилась, подняла ключъ, заперла дверь и пошла въ свою комнату отдохнуть и оправиться. Но она до того перепугалась, что никакимъ образомъ не могла совершенно придти въ себя.

Она замѣтила, что ключъ отъ каморки запачкался въ крови; она утерла его разъ, другой, третій . . . но кровь не сходила. Какъ она его ни мыла, какъ ни терла, даже пескомъ и толченымъ кирпичемъ — пятно крови все оставалось! — Ключъ этотъ былъ волшебный — и не было возможности его вычистить; кровь съ одной стороны сходила, а выступала съ другой.

Въ тотъ же вечеръ вернулся Синяя Борода изъ своего путешествія. Онъ сказалъ женѣ, что на дорогѣ получилъ письма, изъ которыхъ узналъ, что дѣло, по которому онъ долженъ былъ уѣхать, рѣшилось въ его пользу. — Жена его, какъ водится, всячески старалась показать ему, что она очень обрадовалась его скорому возвращенію.

На другое утро онъ спросилъ у нея ключи. Она подала ихъ ему, — но рука ея такъ дрожала, что онъ безъ труда догадался обо всемъ, что произошло въ его отсутствіи.

— Отчего, спросилъ онъ: — ключъ отъ каморки не находится вмѣстѣ съ другими?

— Я его, должно быть, забыла у себя наверху, на столѣ, отвѣчала она.

— Прошу принести его, слышишь! сказалъ Синяя Борода.

Послѣ нѣсколькихъ отговорокъ и отсрочекъ, она должна была наконецъ принести роковой ключъ.

— Это отчего кровь? спросилъ онъ.

— Не знаю отчего, отвѣчала бѣдная женщина, а сама поблѣднѣла какъ полотно.

— Ты не знаешь! подхватилъ Синяя Борода. — Ну такъ я знаю! — Ты хотѣла войти въ каморку. Хорошо же: ты войдешь туда, и займешь свое мѣсто возлѣ тѣхъ женщинъ, которыхъ ты тамъ видѣла.

Она бросилась къ ногамъ своего мужа, горько заплакала, и начала просить у него прощенія въ своемъ непослушаніи — изъявляя притомъ самое искреннее раскаяніе и огорченіе. Кажется, камень бы тронулся мольбами такой красавицы: но у Синей Бороды сердце было тверже всякаго камня.

— Ты должна умереть, сказалъ онъ: — и сейчасъ.

— Коли ужъ я должна непремѣнно умереть, сказала она сквозь слезы: — такъ дай мнѣ минуточку времени — Богу помолиться.

— Даю тебѣ ровно пять минутъ, сказалъ Синяя Борода: — и ни секунды больше!

Онъ сошелъ внизъ, а она позвала сестру свою, и сказала ей:

— Сестра моя, Анна (ее такъ звали) — взойди, пожалуйста, на самый верхъ башни, посмотри, не ѣдутъ ли мои братья? Они обѣщались навѣстить меня сегодня. Если ты ихъ увидишь, такъ подай имъ знакъ, чтобъ они поторопились.

Сестра Анна взошла на верхъ башни, — а бѣдняжка-горемычная отъ времени до времени кричала ей:

— Сестра Анна, ты ничего не видишь?

А сестра Анна ей отвѣчала:

— Я вижу, солнышко яснѣетъ и травушка зеленѣетъ.

Между-тѣмъ Синяя Борода, ухвативъ огромный ножище, оралъ изо всей силы:

— Иди сюда, иди — или я къ тебѣ пойду!

— Сію минуточку, отвѣчала его жена, и прибавляла шопотомъ:

— Анна, сестра Анна! ты ничего не видишь?

А сестра Анна отвѣчала:

— Я вижу, солнышко яснѣетъ и травушка зеленѣетъ.

— Иди же, иди скорѣе! оралъ Синяя Борода: — а не то я къ тебѣ пойду!

— Иду, иду! отвѣчала жена — и опять спрашивала сестру:

— Анна, сестра Анна! ты ничего не видишь?

— Я вижу, отвѣчала Анна: — большое облако пыли къ намъ приближается.

— Это братья мои?

— Ахъ нѣтъ, сестра! это стадо барановъ.

— Прійдешь ли ты наконецъ! вопилъ Синяя Борода.

— Еще маленькую секундочку, отвѣчала его жена, и опять спросила:

— Анна, сестра Анна! ты ничего не видишь?

— Я вижу двухъ верховыхъ, которые сюда скачутъ, но они еще очень далеко. — Слава Богу, прибавила она, погодя немного: — это наши братья. — Я имъ подаю знакъ, чтобъ они спѣшили, какъ только возможно.

Но тутъ Синяя Борода такой поднялъ гамъ, что самыя стѣны дома задрожали. Бѣдная жена его сошла внизъ и бросилась къ его ногамъ, вся растерзанная и въ слезахъ.

— Это ни къ чему не послужитъ, сказалъ Синяя Борода: — пришелъ твой смертный часъ.

Одной рукой онъ схватилъ ее за волосы, другою поднялъ свой страшный ножъ . . . — Онъ замахнулся на нее, чтобъ отрубить ей голову . . . Бѣдняжка обратила на него свои погасшіе глаза:

— Дай мнѣ еще мигъ, только одинъ мигъ, съ духомъ собраться…

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ онъ: — поручи душу свою Богу!

PISAN

G. Doré
A. PISAN

И поднялъ уже руку . . . Но въ это мгновеніе такой ужасный стукъ поднялся у двери, что Синяя Борода остановился, — оглянулся . . . Дверь разомъ отворилась, и въ комнату ворвалось два молодыхъ человѣка. Выхвативъ свои шпаги, они бросились прямо на Синюю Бороду.

Онъ узналъ братьевъ своей жены, — одинъ служилъ въ драгунахъ, другой въ конныхъ егеряхъ — и тотчасъ навострилъ лыжи; но братья нагнали его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ забѣжать за крыльцо. Они прокололи его насквозь своими шпагами — и оставили его на полу мертвымъ. Бѣдная жена Синей Бороды была сама чуть жива, не хуже своего мужа: она не имѣла даже довольно силы, чтобы подняться и обнять своихъ избавителей.

Оказалось, что у Синей Бороды не было наслѣдниковъ — и все его достояніе поступило его вдовѣ. Одну часть его богатствъ она употребила на то, чтобы выдать свою сестру Анну за молодаго дворянина, который уже давно былъ въ нее влюбленъ; на другую часть она купила братьямъ капитанскіе чины; — а съ остальною она сама вышла за весьма честнаго и хорошаго человѣка. — Съ нимъ она забыла все горе, которое претерпѣла, будучи женою Синей Бороды.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ГИЗЕКЕ И ДЕВРІЕНА ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ.

